

ПОХОДЪ
АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО
ВЪ ЗАПАДНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ЭДЪ И РАЗСМОТРѢНІЕ ДРЕВНИХЪ ИЗВѢСТІЙ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ.

В. В. ГРИГОРЬЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. каналъ, между Вознесенск. и Маріинск. мостами, д. № 90—1.

1881.

ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО ВЪ ЗАПАДНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ ¹⁾.

(Посвящается памяти М. П. Погодина.)

Извѣстно, что крайне тщеславный Александръ Маведонскій, не покоривъ еще Персію, а лишь снаряжаясь въ походъ на Дарію Кодомана, набралъ уже въ свиту свою нѣсколько лицъ, которыя должны были описывать его будущіе подвиги ²⁾, вслѣдствіе чего нѣсколько такихъ описаній явилось не только по смерти великаго завоевателя, но еще при его жизни. Кромѣ этихъ, такъ-сказать, присяжныхъ историковъ и біографовъ ³⁾, исторія Александра была написана, по собственному влеченію, нѣкоторыми изъ близко стоявшихъ къ нему участниковъ его походовъ ⁴⁾. Сверхъ того, иные изъ такихъ участниковъ оставили записки о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ эпизодахъ

¹⁾ Подъ «Западнымъ Туркестаномъ» настоящаго времени разумѣемъ мы, въ противоположность съ «Восточнымъ Туркестаномъ», страны въ бассейнахъ Сыра и Аму, съ юга окаймляемыя горными хребтами: Эльбурзомъ, Парамисомъ и Гиндукушемъ, на западѣ упирающимися въ Каспійское море, на востокъ ограничиваемыя высотами Памира. Это — Трансоксиана древнихъ географовъ или Мавераннагръ средневѣковыхъ, съ прирѣзкою скатовъ и равнинъ, спускающихся къ сѣверу отъ упомянутыхъ горныхъ хребтовъ и носившихъ въ древности названіе Хоразміи, Гирканиіи, Маргіаны и Бакتریаны.

²⁾ *Quam multos scriptores rerum suarum magnus ille Alexander secum habuisse dicitur?* читаемъ у Цицерона въ его рѣчи pro Archia, § 10.

³⁾ Какъ-то Анаксименъ изъ Лампсака; Каллисѣевъ изъ Олінея, Марсія изъ Пеллы, Онесикритъ изъ Эгныи, Харесъ изъ Митилея и другіе.

⁴⁾ Такъ-то полководцы Александра — Аристовулъ изъ Кассандреи и знаменитый впоследствии государь Египетскій Птоломей сынъ Лаговъ.

побѣдоноснаго движенія его по Азій¹⁾. Наконецъ, двумя придворными его²⁾ велся постоянно подробный камеръ-фурьерскій журналъ, а офицерами генеральнаго штаба Александра составлялся путевой его дневникъ³⁾. И—все это погубило или дошло до насъ въ ничтожныхъ, безсвязныхъ отрывкахъ! Что знаемъ мы теперь о походахъ славобиваго Македонца, знаемъ изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ, отъ греческихъ и римскихъ писателей, жившихъ черезъ триста, черезъ четыреста лѣтъ послѣ его смерти. Это: Діодоръ Сицилійскій, Плутархъ, Арріанъ, Юстинъ и Квинтъ-Курцій. Но изъ нихъ, 19-я—34-я главы XVII-й книги Діодоровой „Исторической Библіотеки“ утратились, а въ этихъ-то главахъ и заключалось описаніе Александра похода за Оксъ; у Плутарха же и Юстина нѣтъ объ этомъ походѣ ни слова; такъ что единственными второстепенными источниками, откуда почерпаются наши свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ Александра отъ похода его черезъ Гиндукушъ изъ Кабулистана въ 329 году, до возвращенія его въ Кабулистанъ, черезъ тотъ же Гиндукушъ въ 327 году до Р. Х., остаются исключительно Арріанъ и Квинтъ Курцій.

По отношенію къ предмету нашего труда, достоинства и недостатки ихъ весьма неодинаковы. Кв. Курцій, философствующій риторъ имѣлъ въ виду написать занимательную книгу и вполне достигъ цѣли; но для этой цѣли онъ безпрестанно жертвовалъ истиною: заботясь о красотѣ рѣчей, влагаемыхъ имъ въ уста дѣйствующихъ лицъ онъ выдумывалъ эти рѣчи; заботясь о драматичности повѣствованія онъ прибѣгалъ къ сенсационнымъ анекдотамъ сомнительной достоверности и амплифировалъ дѣйствительныя событія своими прибавками и прикрасами; стараясь поразить воображеніе читателя описаніемъ необыкновенныхъ мѣстностей, придумывалъ для этого невозможныя подробности. Арріанъ, самъ воинъ, служившій въ Азій, и авторъ сочиненія о военномъ искусствѣ, пользовался дошедшими до него записками современниковъ Александровыхъ совершенно иначе, чѣмъ Курцій: держался близко ихъ изложенія, мѣстами, замѣтно, даже просто переписывалъ, нисколько не мудрствуя и не извращая своего оригинала, и заботился о вѣрной хронологіи событій⁴⁾. Поэтому, въ

¹⁾ Какъ Непархъ, какъ Андросеенъ изъ Амфиополя, какъ Эфиппій изъ Олинея

²⁾ Эвменомъ Кардійскимъ и Діодотомъ Эриерейскимъ.

³⁾ Известенъ подъ заглавіемъ *Σταθμοὶ τῆς Ἀλεξάνδρου πορείας*. Вели его Батонъ и Діогнетъ.

⁴⁾ Arrien merite le premier rang parmi les historiens d'Alexandre qui nous restent, et, presque toujours, il doit l'emporter sur eux quand il s'agit d'opération

нашемъ разсмотрѣніи Александровыхъ дѣйствій руководителемъ возьмемъ мы Арріана и пойдемъ за нимъ шагъ за шагомъ. Но и Арріанъ, какъ окажется при этомъ, изобилуетъ пропусками и оттого весьма не ясенъ во многихъ случаяхъ. Пропуски эти будемъ мы дополнять изъ Кв. Курція, стараясь разказы послѣдняго вставлять въ надлежащіе мѣста, на сколько намъ это удастся. Въ виду означенныхъ недостатковъ обоихъ нашихъ источниковъ, нельзя не повторить многожды высказанныхъ сожалѣній, что не дошли до насъ цѣликомъ записки Птоломея или Аристовула, изъ которыхъ черпалъ преимущественно Арріанъ матеріалы для своего „Анавасиса“, или „Стафмы“ Діогнета, или хотя замѣтки по исторіи Александра, набросанныя такими отчетливыми писателями, какъ Страбонъ и Эратосеенъ.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ о свѣдѣніяхъ, какія имѣлись о Западномъ Туркестанѣ у греческихъ писателей, предшествовавшихъ Александрову времени.

Свѣдѣнія эти ничтожны и ограничиваются тѣмъ, что сообщилъ Геродотъ въ своихъ „Музахъ“, а именно: что на пространствѣ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, жили разные, но по видимому родственные народы — Бактрійцы, Согдійцы, Хоразмійцы, Гирканцы, Арійцы и Саки; что всѣ эти народы, кромѣ Саковъ, покорены были Персами при Кирѣ; что при раздѣленіи Даріемъ Истаспомъ владѣній своихъ на сатрапіи, Бактрійскія земли составили собою цѣлую XII-ю сатрапію, а Согдійцы, Хоразмійцы и Арійцы вошли, вмѣстѣ съ Парсами, въ составъ XVI-й, при чемъ XII-я сатрапія обложена была ежегодною податью въ царскую казну въ количествѣ 360, а XVI-я—въ количествѣ 300 талантовъ; что въ Ксерксовомъ походѣ на Грецію, Гирканцы вооружены были также какъ Персы, вооруженіе Бактрійцевъ сходствовало съ мидійскимъ, а Хоразмійцы и Согдійцы имѣли такое же оружіе какъ Бактрійцы, значить—тоже сходное съ мидійскимъ; оригинальны были только одежда и вооруженіе Саковъ—островерхіе колпаки изъ войлока, штаны, особаго рода луки, кинжалы и сѣкиры. Ни объ одномъ городѣ у всѣхъ этихъ народовъ не упоминается у Геродота; а изъ рѣвъ въ странѣ ихъ говоритъ онъ только

militaires. Этотъ отзывъ Сень-Круа (*Examen des historiens d'Alexandre le grand*. Seconde édition. Paris, 1804, p. 102) подтвержденъ всеми послѣдующими изслѣдователями Александровой исторіи.

объ Араксѣ, впадающемъ въ Каспійское море, но такъ сбивчиво, что этотъ Араксѣ можно принимать и за Сыръ-Дарью, и за Волгу. За Араксомъ жили, по Геродоту, кочевники Массагеты, въ войнѣ съ которыми погибъ Киръ ¹⁾. Вотъ и все.

Быль у Грековъ до Александра и другой, кромѣ Геродота, источникъ свѣдѣній о сценѣ подвиговъ Александра въ 329—327 годахъ до Р. Х., по крайней мѣрѣ объ одномъ углѣ этой сцены, о странѣ Бактрійцевъ—Ктесій Книдскій; но разказы его не пользовались репутаціею достовѣрности. А разказывалъ онъ о Бактрии преинтересныя вещи: что страна эта была богата, могущественна и славна еще задолго до Нина Ассирійскаго; что Нинъ, вознамѣрившись покорить ее, не успѣлъ сдѣлать этого въ первый на нея походъ, и предпринявъ второй, двинулся туда, въ виду многочисленности и храбрости бактрійскихъ войскъ, съ армადю изъ 1.700,000 пѣхотинцевъ и 210,000 всадниковъ при 9,400 колесницахъ, а царь Бактрійскій, Оксартъ по имени, противустоялъ этому нашествію съ ратью изъ 400,000 воиновъ, и при первой встрѣчѣ съ Ассирійцами побилъ у нихъ до 100,000 чловѣкъ; но затѣмъ, подавленные многочисленностію враговъ, Бактрійцы разсѣялись по своимъ городамъ, которые Нинъ и взялъ безъ большаго труда, но столицы страны, города Бактръ, сильно укрѣпленнаго и обильно всѣмъ снабженнаго, не могъ одолѣть долгое время, и овладѣлъ имъ наконецъ лишь благодаря сообразительности Семирамиды, послѣ чего возвратился во-свои-ся съ огромнымъ количествомъ добычи въ золотѣ и серебрѣ; что при Сарданапалѣ Бактрійцы возмущались противъ Ассиріявъ и помогали Мидянамъ и Вавилонянамъ разрушить Ассирійское царство; что позже воевали они съ Киромъ, но потомъ подчинились ему, а при Артаксерксѣ I отложились, но также были усмирены ²⁾. Ктесій такимъ образомъ давалъ о Бактрійцахъ, можетъ быть, свѣше мѣры выгодное для нихъ, но во всякомъ случаѣ совершенно иное понятіе нежели то, какое можно было еоставить о нихъ по Геродоту. Равнымъ образомъ другимъ, осѣдлымъ и образованнымъ, а не кочевымъ, народомъ являлись въ разказахъ его и Саки ³⁾. Такъ или иначе, явно то, что въ цѣломъ Западный

¹⁾ Геродотъ: I, 202, 204—216; III, 92, 93; VII, 62, 64, 66.

²⁾ Ctesiae Cnidii Fragmenta при Мюллеровомъ изданіи Геродота (Parisii, 1844), стр. 37 b, 46 a, 47 a, 52, a, и въ его же изданіи Діодора Сицилійскаго (Parisii, 1844), I, 84—85.

³⁾ См. въ моемъ изслѣдованіи о Сакахъ (С.-Пб., 1871), стр. 19—24.

Туркестанъ представлялся Македонцамъ совершенною terra incognita, и что походъ въ эту страну былъ для Грековъ сколько военною, столь же и географическою экспедиціею, вожаками въ которой служили имъ Персы, конечно близко знакомые съ областями своими на сѣверъ отъ Эльбурза, Царопамиса и Гиндукуша.

Послѣ проиграннаго сраженія при Гаугамелѣ, Дарій бѣжалъ въ Мидію, рассчитывая собраться тамъ съ силами, чтобы вновь противустать Александру, который, какъ онъ предполагалъ, и какъ случилось дѣйствительно, оставивъ въ покоѣ разбитаго Дарія, двинулся на Вавилонъ, Сузу и Пасаргаду. Утвердивъ же владычество свое въ западной и юго-западной частяхъ царства Ахеменидовъ, Александръ опять обратился противу Дарія въ Мидію. Дарій, не успѣвъ, между тѣмъ, собрать столько войска, чтобы можно было ему сразиться съ грознымъ Македонцемъ, рѣшился отступать передъ нимъ, черезъ Пароію до самыхъ Бактръ, орустоная все на пути своемъ, чтобы преградить или хотя затруднить такимъ образомъ возможность преслѣдованія со стороны Александра. Но не удалось этого несчастному Дарію: едва успѣлъ онъ пройти горнымъ ущельемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Каспійскихъ Воротъ, какъ изъ вельможъ его сопровождавшихъ, Набарзанъ, начальникъ охранной его стражи, Бессъ, сатрапъ бактрійскій, и Барсентъ, сатрапъ въ Дрангіанѣ и Аррахосіи, сговорившись, арестовали его, вслѣдъ затѣмъ царемъ Персіи и вождемъ войскъ для дальнѣйшей борьбы съ Александромъ провозглашенъ былъ Бессъ. Извѣстившись объ этомъ, Александръ удвоилъ, утроилъ спѣшность преслѣдованія; но когда настигъ, наконецъ, лагерь заговорщиковъ, нашелъ тамъ Дарія уже умершимъ отъ нанесенныхъ ими ранъ, а заговорщиковъ—бѣжавшими далѣе съ небольшимъ числомъ всадниковъ ¹⁾.

Персы—по крайней мѣрѣ мужественнѣйшіе изъ нихъ—явно недовольны были Даріемъ за медленность и нерѣшительность его дѣйствій противу македонскаго нашествия и за личную его трусость: въ битвѣ при Гаугамелѣ онъ первый, потерявъ духъ, обратился въ бѣгство. Не надѣясь, чтобы такой слабохарактерный чловѣкъ могъ спѣшно продолжать борьбу съ Александромъ, энергичнѣйшіе изъ

¹⁾ Такъ по Арриану (Ανάβασις, III, 19—22); такъ, въ главныхъ чертахъ, и по Квинту Курцію (Vita Alexandri, V, 8—13).

сопутствовавших Дарію въ его бѣгствѣ условились взять дѣло за- щиты отечества въ свои руки, для чего и лишили Дарія свободы, нисколько по видимому не располагая отымать у него жизнь, на что рѣшились уже только въ крайности, чтобы Дарій, попавши въ плѣнъ къ Александру, не послужилъ, оставаясь въ его власти, вящимъ препятствіемъ къ предпринятому ими патріотическому подвигу ¹⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ Бесса и его соумышленниковъ по отно- шенію къ Дарію не видимъ мы той преступности, которою возмущались, какъ самъ Александръ, такъ его историки, а вслѣдъ за ними, не виняя въ дѣло, и новые разказчики Александровыхъ подвиговъ вплоть до послѣдняго времени. Былъ бы Дарій человекъ съ характеромъ, каковаго требовало его положеніе, онъ долженъ былъ бы рѣшиться на четвертый бой съ Александромъ, и, въ случаѣ новой неудачи, лечь костью на развалинахъ своего царственнаго величія. *Noblesse oblige*. Прекрасно излагаетъ Дройзень положеніе Дарія въ Экбатанѣ, пока Александръ занялъ былъ покореніемъ Южной Персіи: «Дарій видѣлъ себя здѣсь окруженнымъ вѣрными войсками, храброю персидскою знатью; при немъ нахо- дились ядро ея, знаменитая «тысяча» подъ предводительствомъ Набарзана, сатрапъ мидійскій Атропатъ, Аутофрадатъ сатрапъ Фаберистанскій, Фратаернъ сатрапъ Гиркани и Парсіи, сатрапъ Ари Сатибарзанъ, сатрапъ Аррахоси и Дрангіаны Барсентъ, отважный бактріецъ Бессъ, родственникъ Даріевъ, и съ нимъ 3,000 бактрійской конницы, уцѣлѣвшей отъ сраженія при Гаугамелѣ; да- лѣе—братъ Даріевъ Оксаеръ, и во главѣ всѣхъ, убѣленный сѣдинами Артабазъ многоиспытанный другъ Даріевъ, быть можетъ—благороднѣйшая личность между Персами, и всѣ его сыновья; кромя того—сынъ покойнаго царя Оха, Бистанъ, и Артабелъ, сынъ вавилонскаго измѣнника Мазая. Оставалось еще при Даріѣ нѣ- сколько тысячъ греческихъ наемныхъ войскъ подъ начальствомъ Фокійца Па- трона; ожидалось прибытіе многихъ тысячъ Кадусійцевъ и Скивовъ. Мидія пред- ставляла довольно мѣстностей, въ которыхъ можно было укрѣпиться. напримѣръ, проходы ведущіе изъ нея въ восточныя и сѣверныя сатрапіи, проходы, въ ко- торыхъ легко было держаться противу превосходныхъ вражескихъ силъ, заграж- дая имъ дальнѣйшій путь» (*Geschichte Alexanders des Grossen*. 3-te Auflage. Gotha, 1880, S. 198). Прибавимъ къ этому что, по Кв. Курцію (V, 8), имѣлось у Дарія въ Экбатанѣ 30,000 пѣхотнаго войска, въ томъ числѣ 4,000 вѣрныхъ греческихъ наемниковъ; сверхъ того корпусъ стрѣлковъ и пращниковъ въ 4,000 человекъ, да 3,300 всадниковъ, преимущественно бактрійскихъ. И какъ же по- ступаетъ Дарій при такихъ силахъ въ его распоряженіи? Вѣжизъ изъ Экбатаны, сломя голову, лишь только доходить до него слухъ о движеніи къ ней Але- ксандра, и заводятъ рѣчь о томъ, чтобы вступитъ въ бой съ неутомимо преслѣ- дующимъ его Македонцемъ—когда? Когда Каспійскія-Ворота были уже пройдены и оставлены безъ всякой защиты, когда, въ виду малодушія Даріева, половина войска его сопровождавшаго разбрелась уже въ разныя стороны, и покинули уже его многіе изъ преданной ему дотола персидской знати, отправившись на поклоненіе къ Александру. Явно, что битва въ такихъ обстоятельствахъ была бы безуміемъ, что будто бы и высказалъ ему одинъ изъ оставшихся еще при

А подвигъ этотъ весьма могъ увѣнчаться успѣхомъ. Александру удалось до сихъ поръ забрать на-скоро только тѣ области Персид- скаго царства, въ которыхъ духъ Иранской народности былъ наи- болѣе слабъ, вслѣдствіе смѣшенія Персовъ съ разными чужеплемен- никами и сильнаго численнаго преобладанія послѣднихъ надъ пер- выми. Та же причина, черезъ тысячу лѣтъ, дозволила и Арабамъ покорить юго-западную Персію съ такою же быстротою, съ какою овладѣли ею Македонцы. Въ восточныхъ областяхъ Персидскаго цар- ства, населенныхъ почти исключительно колѣнами арійскими, иран- скій духъ былъ, напротивъ, весьма крѣпокъ. Оттуда народныя ле- генды и выводили такихъ героевъ, спасителей Персіи, какъ Заль и Рустемъ. Въ сѣверныхъ же областяхъ монархіи Ахеменидовъ по Оксу и за Оксомъ, если персидскій патріотизмъ и не имѣлъ мѣста, за то господствовала любовь къ политической независимости, враждебная

немъ военачальниковъ, если вѣрить Курцію (V, 9); но, прѣнимая во вниманіе характеръ Дарія, слѣдуетъ полагать, что, успѣвъ убраться за Каспійскія-Во- рота, онъ и не думалъ схватиться съ Александромъ въ Парсіи, а спѣшилъ, спѣ- шилъ всемирно уйдти поскорѣ въ Бактрію, надѣясь что тамъ, быть можетъ, удастся ему отбиться отъ Македонцевъ. Полагаемъ, что какъ длинная рѣчь Дарія къ своимъ военачальникамъ, такъ и отвѣтъ на нее Набарзана, читаемая въ 8-й и 9-й главахъ V-й книги Курція—выдуманы самимъ этимъ писателемъ безо всякаго на то историческаго основанія, единственно въ силу того права, что *concessum est rhetoribus euenturi in historia, ut aliquid dicere possent argutius*, какъ читаемъ у Цицерона. Вообще, говоря о Бессѣ и его соумышленникахъ, Кв. Кур- цій старается представить ихъ, и въ настоящемъ случаѣ, и позже, величайшими мерзавцами, которые дѣйствовали движимые лишь властолюбіемъ и эгоизмомъ; но этому противорѣчатъ безпрестанно факты, имъ самимъ приводимые. Такъ, еслибы Бессъ и его соумышленники хотѣли смерти арестованнаго ими Дарія, зачѣмъ было бы имъ предлагать ему—когда Александръ настаивалъ уже ихъ—сѣсть на коня и бѣжать вмѣстѣ съ ними, отъ чего самъ онъ отказался, какъ разказываетъ Курцій (V, 13). По нѣкоторымъ выраженіямъ у Юстина (что Дарій заключенъ былъ въ оковы «a cognatis suis» (XI, 15), у Арріана (что Бессъ провозглашенъ былъ царемъ во вниманіи, между прочимъ, къ его «οἰκιστῆρα τε τῆν Δαρείου» (III, 21); и что Александръ, обращаясь къ Бессу, называетъ Дарія *τον βασιλέα τὸν αὐτοῦ καὶ ἀπὸ οἰκῆτον* (III, 30) — можно заключать, какъ видѣли мы сейчасъ дѣлаетъ это и Дройзень, что Бессъ приходился родственникомъ Дарію. А если такъ, то рѣшимость его поступитъ какъ онъ поступилъ стано- вится еще менѣе предосудительно. Наконецъ, если бы заговорщики имѣли въ виду, какъ говорятъ и Арріанъ (III, 21, 5) и Кв. Курцій (V, 9, 25), купить себѣ милость Александра цѣною выдачи ему Дарія, зачѣмъ не исполнили они этого, когда Александръ гнался за Даріемъ и настаивалъ уже ихъ? Явно, что за- дались они не личными выгодами, а заботою отстоять независимость отечества.

всякому иноплеменному игу. Заключаемъ объ этомъ, между прочимъ, изъ исторіи завоеванія Мавераннагра Арабами, дивяшагося около ста лѣтъ; убѣдимся въ этомъ немедленно и упорнымъ сопротивленіемъ, какое оказано было тамъ македонскому оружію. Бессъ и его соумышленники могли вполне рассчитывать, что удайся имъ нанести Александру хотя одно чувствительное пораженіе, вся ткань его предшествовавшихъ завоеваній можетъ расплзтись въ одну минуту: все, что свяди его на пространствѣ отъ Эгейскаго моря до Парѣи и отъ Каспійскаго моря до Персидскаго залива пришибено было имъ, такъ сказать, мимоходомъ, ошеломлено болѣе нежели поражено, могло, и по всей вѣроятности, должно было поднять голову, и отрѣзавъ завоевателя отъ базиса его дѣйствій и источника его силъ, обратитъ грознаго побѣдоносца въ безславнаго бѣглеца или жалкаго плѣнника ¹⁾. Да, сильнѣйшимъ образомъ рисковалъ Александръ, и славою своею и жизнію, забираясь въ неизвѣстную ему глубь царства Ахеменидовъ. А что же заставляло его пускаться на этотъ рискъ? Необходимость управиться съ Бессомъ, въ которомъ видѣлъ онъ противника себѣ несравненно опаснѣйшаго, нежели слабодушный Дарій, противника, который грозилъ уничтожить всѣ плоды одержанныхъ имъ надъ Даріемъ побѣдъ. Вслѣдствіе этого и проникся Александръ величайшею ненавистію къ Бессу.

Но какъ ни желательно было Александру захватить Бесса въ свои руки, преслѣдовать его по горячимъ слѣдамъ, какъ гнался онъ за отступавшимъ Даріемъ, было для него совершенною невозможностію за крайнимъ истомленіемъ его войскъ, особенно конницы, вслѣдствіе усиленной погони за Даріемъ. Необходимо было этимъ истомленнымъ и растянувшимся по линіи погони ратникамъ дать отдохнуть и оправиться, а палыхъ коней замѣнить свѣжими, не говоря уже о неотложности другихъ административныхъ распоряженій. Катастрофа съ Даріемъ имѣла мѣсто, по Юстину (XI, 15), около парѣйскаго селенія

¹⁾ Затруднительность положенія, въ которомъ находился Александръ, превосходно заставляетъ излагать его самого Кв. Курцій, въ рѣчи, которую яно бы держалъ онъ къ воинамъ своимъ въ Гекатомпизосѣ: «Quid? creditis tot gentes alterius imperio ac nomine assuetas, non sacris, non moribus, non commercio linguae nobiscum cohaerentes, eodem proelio domitas esse, quo victae sunt?... Hircaniam Nabarzaues occupavit; Bactra non possidet solum parricida Bessus, sed etiam minatur; Sogdiani, Dahae, Massagetae, Sacae, Indi sui juris sunt. Omnes hi, simul terga nostra viderint, sequentur. Illi enim ejusdem nationis sunt, nos alienigenae et exteri» (VI, 3, 8—10).

Тары, по близости, какъ полагаютъ новыя изслѣдователи, нынѣшняго Шахруда. Отсюда, для означенныхъ надобностей, Александръ вернулся нѣсколько назадъ, въ столицу Парѣи Гекатомпизосъ (по Кв. Курцію, VI, 2), находившуюся, какъ думаютъ, или въ нынѣшнемъ Шахрудѣ, или между нынѣшнимъ городомъ Дамганомъ и селеніемъ Дегъ-Мулла ¹⁾.

Распорядившись здѣсь чѣмъ было нужно, успокоившись относительно положенія дѣлъ въ Греціи, и отпраздновавъ разнообразными пиршествами и оргіями паденіе царства Ахеменидовъ ²⁾, Александръ снова обратился къ мысли о преслѣдованіи Бесса. Но чтобы добраться до Бактріи, куда онъ укрылся, необходимо было поворотить предварительно попутныя туда страны, и обезпечить при этомъ, болѣе или менѣе, свой лѣвый флангъ: справа отъ Парѣи тянулась безводная пустыня, откуда не могла возникнуть никакая опасность для его сообщеній. И вотъ, видимъ, направляется Александръ на сѣверъ отъ Парѣи, въ Гирканію. Сюда, кромѣ означенной стратегической надобности, долженъ былъ онъ обратиться и потому, что въ эту страну, послѣ убійства Дарія, укрылся со своею „тысячью“, одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого убійства, Набарзанъ, а въ сосѣднюю Тапурию ушли съ Артабазомъ остатки наемнаго греческаго войска, до послѣдней минуты оставшіеся вѣрными несчастному царю Персіи.

Вступленіе Александра въ Гирканію было первымъ шагомъ его въ предѣлы Западнаго Туркестана. Потому извѣстія объ этомъ походѣ должны мы изложить съ подробностію.

Планъ похода былъ таковъ. Войска раздѣлены были на три колонны. Одна, подъ начальствомъ Кратера, изъ пѣхоты его и Аминтова полка съ частію конницы и стрѣлковъ, направлена была въ Тапурию съ порученіемъ привести къ покорности мѣстное населеніе, а равно и греческихъ наемниковъ Дарія, туда ушедшихъ, если ихъ встрѣтитъ. Другая колонна, подъ начальствомъ Эригія, изъ его наемной и части остальной конницы, послана была въ Гирканію по большой туда дорогѣ, прикрывая отправленные съ нею обозъ и про-

¹⁾ Герцбергъ, Die asiatischen Feldzüge Alexanders des Grossen. 2-te Auflage. Halle, 1875, Th. II, S. 31—34.

²⁾ Такъ по Кв. Курцію (VI, 2) и отчасти по Діодору (XLII, 75); Аппіанъ же, отъ разказа о смерти Дарія переходитъ непосредственно къ описанію похода въ Гирканію.

чій военной тяжести. Третью колонну составили всё остальные войска подъ начальствомъ самого Александра, предпринявшаго проникнуть въ Гирканию кратчайшимъ, хотя и труднѣйшимъ путемъ ¹⁾. Эригий двигался, надо полагать, одною изъ двухъ дорогъ, которыя пролегаютъ нынѣ изъ Шахруда въ Астрабадъ, по всей вѣроятности такъ-называемую Кузлукскую, длиною въ 18 фарсаховъ, такъ какъ она ровнѣе и удобнѣе другой, извѣстной подъ именемъ Зиретской ²⁾. Кратеръ, можно думать, направился изъ Гекатомпилоса (Дамгана) тою дорогою, которая ведетъ нынѣ изъ Дамгана въ Сари черезъ Таукъ ³⁾. Дорога же, которою пошелъ изъ Гекатомпилоса самъ Александръ, представляется намъ тою что изъ Дамгана на Газъ пролегаетъ Шимширъ-бюрскимъ ущельемъ ⁴⁾. Движеніе этою дорогою, въ виду горнаго ея населенія, совершалось съ особою осторожностію. Пройдя предгорія, Александръ сталъ лагеремъ. Затѣмъ въ дальнѣйшій трудный путь двинулся лишь со шитоносцами и подвижнѣйшими македонскими фалангитами и частью стрѣлковъ, разставляя караулы по всемъ мѣстамъ, откуда горцы могли-бы кинуться на остальные части войска, танувшіяся слѣдомъ за нимъ. Переваливъ черезъ главный хребетъ Эльбурза, въ сопровожденіи почти однихъ стрѣлковъ, вышелъ Александръ на поляну, орошаемую небольшою рѣчкою, и сталъ тутъ лагеремъ, ожидая чтобы подошли всё воины его отряда. Часть ихъ прослѣдовала благополучно, на Агрійцевъ же туземцы нападывались, но были ими отбиты ⁵⁾. Такъ по разсказу Арріана (III, 23), въ добавокъ къ которому читаемъ у Кв. Курціа лишь баснословныя подробности о рѣкѣ Зиобетисъ или Зиобетисъ, орошающей вышеупомянутую поляну, и впадающей въ другую рѣку, Ридаго, или Ридагно, по имени (VI, 4). Весьма вѣроятно, что поляна, о которой идетъ рѣчь,

¹⁾ Арріанъ, III, 23.

²⁾ Подробное описаніе Кузлукской дороги см. у *Мелюмова*, въ книгѣ его «О южномъ берегу Каспійскаго моря» (С.-Пб. 186 г., стр. 82—88. Зиретская описана у *Конолли* (Journey overland to the North India etc. (London, 1834), I, 212—218, и у *Бларамберга* (Статистическое описаніе Персіи, въ 8-й части *Записокъ Имп. Русскаго Географическаго Общества*, С.-Пб. 1853, стр. 179—180).

³⁾ Описана у *Форстера* (Journey from Bengal to England, I, 185—201). По Курцію (VI, 4, 7), Кратеръ оставленъ былъ въ Парсін.

⁴⁾ Описана у *Мелюмова*, I, с., стр. 89—91.

⁵⁾ Агріанцы—воинственный ераго-македонскій народъ, контингентъ отъ котораго находился въ Александровомъ войскѣ.

есть нынѣшняя долина Чаманъ-Саверъ, гдѣ, по Морьеру ¹⁾, останавливался также лагерьмъ и Фетхъ-Али, шахъ персидскій, когда, въ 1809 году, ходилъ походомъ на Туркменовъ. Рѣкѣ Зиобетисъ (Стибойтесъ, по Діодору) въ такомъ случаѣ будетъ соответствовать нынѣшняя рѣка Шачку, впадающая въ рѣку Ника; имя же Ридаго сохраняется до сихъ поръ въ названіи селенія Радекапъ, находящагося неподалеку отъ впаденія Шачку въ Нику.

Въ продолженіе четырехдневнаго пребыванія на означенной выше полянѣ, явились къ Александру, предавая себя въ его руки, сатрапъ Гиркани и Парсін Фратаферъ, въ сопровожденіи многихъ знатныхъ Персовъ изъ окружавшихъ Дарія, и Набарзанъ, одинъ, какъ видѣли мы, изъ главныхъ виновниковъ ареста и смерти Дарія. Всѣхъ ихъ Александръ принялъ благосклонно, простилъ и Набарзана ²⁾ — новое доказательство, что Бесса возненавидѣлъ онь не за „измѣну“ Дарію, а за то, что тотъ задумалъ противодѣйствовать македонскому нашествію на его отечество.

Дорога, которою двигался Александръ, вывела его прямо къ берегу Каспійскаго моря, которымъ и направился онь на востокъ, въ Гирканию. На этомъ пути соединился съ нимъ Кратеръ, докладывая, что греческихъ наемниковъ Дарія не встрѣтилъ, а Тапуровъ снлою или добровольно привелъ къ покорности. Вслѣдъ затѣмъ присоединился съ тяжелымъ обозомъ и Эригий ³⁾. По Кв. Курцію, присоединенія эти имѣли мѣсто въ городѣ Арвы (VI, 4), которому, такимъ образомъ, долженъ соответствовать нынѣшній Астрабадъ или развалины древнаго города, видѣнныя Фрезеромъ около Акъ-Калэ, верстахъ въ 20-ти на сѣверъ отъ Астрабада. Вскоръ явились съ покорностію Артабазъ съ тремя сыновьями ⁴⁾, сатрапъ Тапурин Аутофрадатъ, и послы отъ греческихъ наемниковъ съ предложеніемъ принять ихъ въ составъ македонской арміи. Артабазу и сыновьямъ его, изъ уваженія къ за-

¹⁾ Второе путешествіе по Персіи, *Морьера* въ французскомъ переводѣ (Paris, 1818), т. II, стр. 362.

²⁾ Арріанъ, III, 23; по Кв. Курцію (VI, 5), Набарзанъ, прежде личнаго явки, писалъ къ Александру, и явился тогда лишь, когда послѣдній общался ему прощеніе, явился съ богатыми дарами и красавцемъ внукомъ Вагоемъ (котораго жаловалъ Дарій, который полюбился и Александру), уже послѣ экспедиціи на Мардовъ, о которой сейчасъ пойдетъ рѣчь.

³⁾ Арріанъ, I, с.

⁴⁾ По Кв. Курцію, Артабазу было въ это время 95 лѣтъ отъ роду, и явился онь къ Александру съ девятью сыновьями, все отъ одной матери (VI, 5).

слугамъ его и вѣрности Дарію, далъ Александръ мѣсто въ своей свитѣ; Аутофрадата оставилъ сатрапствовать надъ Тапурами; пославъ же наемниковъ отвѣчалъ, что ни въ какія условія входить съ ними не намѣренъ, и чтобы они, или сдались безусловно, или искали спасенія какъ знаютъ ¹⁾.

Изъ тѣхъ же Арвѣ, или съ пути оттуда къ столицѣ Гирканіи, Задракартѣ, предпринятъ былъ Александромъ поискъ на Мардовъ, горный народъ между Гирканіею и Пароіею, никѣмъ до тѣхъ поръ непокоренный, ожидавшій потому, что и Александръ оставилъ его въ покоѣ. Пользуясь этою безопасностію Мардовъ, Александръ ударилъ на нихъ неожиданно ²⁾, съ пѣхотою Койна и Аминты, со щитоносцами, стрѣлками, Агріанцами, половиною конной гетеріи ³⁾ и конными копѣйщиками, и вскорѣ заставилъ подгорныхъ бѣжать въ горы, а когда и туда проникъ, то весь народъ изъявилъ ему покорность, и получилъ въ сатрапы того же Аутофрадата, вѣдѣнію котораго поручены были и Тапуры. Такъ по Арріану (III, 24). У Кв. Курціа обстоятельства этого поиска разказаны гораздо подробнѣе. Причиною поиска выставляетъ онъ то, что изъ всѣхъ народовъ края только Марды не выслали къ Александру пословъ съ изъявленіемъ покорности. Напавъ на зарѣ на ближайшихъ изъ этихъ горцевъ, онъ быстро овладѣлъ ихъ селеніями; но народъ бѣжалъ выше, въ свои скалистые и густо заросшія лѣсами горы, доступъ куда былъ затрудненъ; сверхъ того, особымъ способомъ защиты—загородами изъ деревьевъ пригнутыхъ вѣтвями къ землѣ, вслѣдствіе чего отъ вѣтвей этихъ, какъ отъ новыхъ корней, выростали новые деревья, вѣтви которыхъ были, въ свою очередь, сплетаемы одніе съ другими, такъ что все это, покрытое густою листвою, представляло непроницаемую сѣть. Оставалось прорубаться сквозь эту сѣть, что представлялось крайне труднымъ по твердости старыхъ стволовъ и вѣтвей, и по гибкости молодыхъ. Вѣдно было обходить эти загорода, ища нельзя ли проникнуть въ какое либо отверстіе. Многіе изъ солдатъ заблудились при этомъ и взяты были въ плѣнъ. Захваченъ былъ и знаменитый вонъ Александра, Букефалъ. Это болѣе всего огорчило его хозяина.

¹⁾ Арріанъ, III, 23, 7—9.

²⁾ По Діодору (кн. XII, 76), нападеніе Александра на Мардовъ вовсе не было для нихъ неожиданнымъ, такъ какъ они собрались для встрѣчи его въ числѣ 8,000 воиновъ.

³⁾ Такъ называлась конная гвардія Александра изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ македонскихъ ратниковъ.

Черезъ переводчиковъ велѣлъ онъ объявить, что если ему не приведутъ Букефала, онъ никого изъ Мардовъ не оставитъ въ живыхъ. Угроза подѣйствовала, вонъ былъ приведенъ вмѣстѣ съ дарами, а затѣмъ, въ виду того что Македонцы стали прорубаться черезъ загорода или засыпать ихъ землею, Марды покорились и выдали заложниковъ (Кв. Курцій, кн. VI, гл. V, § 11—12).

Изъ этого поиска, продолжавшагося пять сутокъ, Александръ возвратился въ свой лагерь, гдѣ уже нашелъ прибывшими греческихъ Даріевыхъ наемниковъ, согласившихся на безусловную сдачу. Часть ихъ онъ отпустилъ домой, другую приналъ на службу къ себѣ съ тою же платою, за которую служили они Дарію, и продолжалъ путь къ Задракартѣ ¹⁾.

О мѣстоположеніи этой столицы Гирканіи не имѣется никакихъ свѣдѣній у древнихъ писателей, до насъ дошедшихъ. По нашимъ соображеніямъ, Задракарта должна была находиться болѣе или менѣе далеко на сѣверо-востокъ отъ Астрабада, и соотвѣтствовать Джорджану средневѣковыхъ арабскихъ географовъ, на р. Гюргени, или быть отыскиваема еще далѣе на С.-В. Здѣсь окончаніе гирканскаго похода отираждовано было, въ теченіе 15 дней, по греческимъ обычаямъ, жертвоприношеніями, гимнастическими играми и роскошными пиршествами ²⁾. Отсюда Александръ направился къ Бактрианѣ, противу Бесса.

Какимъ путемъ двинулся онъ изъ Гирканіи по направленію къ Бактрианѣ? Черезъ Пароіену—говорятъ положительно и Арріанъ, и Кв. Курцій. Полагаемъ, что изъ трехъ дорогъ, которыя пролегаютъ отъ Шахруда на Герать черезъ древнюю Пароіену, Александръ избралъ ту, которая идетъ отъ Буджнурда, еще въ предѣлахъ Гирканіи, на Ширванъ, Чинаранъ и Мешгедъ, и что первый городъ Арійской области, куда онъ прибылъ, Сусія, соотвѣтствовала средневѣковому Тусу, развалины котораго видны недалеко на сѣверо-западъ отъ Мешгеда. Сюда, въ Сусію, явился къ Александру, съ изъявленіемъ покорности, сатрапъ Аріи Сатибарзанъ, и Александръ, принявъ

¹⁾ Арріанъ, кн. III, гл. 24, § 4.

²⁾ Арріанъ, кн. III, гл. 25, 1—3. Ко времени этихъ торжествъ относятъ Діодоръ и Кв. Курцій прибытіе къ Александру царицы амазонокъ Фалестры и пребываніе ея у него. Что это чистѣйшая сказка, известно изъ Плутарха («Александръ», 46) и, еще ранѣе его, изъ Страбона (Geographica, XI, 5, 4).

покорность этого вельможи, оставилъ его въ управленіи означенною сатрапією, и, собственно для охраны Аріидцевъ отъ проходившихъ ею македонскихъ войскъ, далъ ему 40 конныхъ копѣйщиковъ подъ начальствомъ Анаксиппа, одного изъ гетерін; здѣсь же, явившимися къ нему Персами, доведено до свѣдѣнія его, что Бессъ, сидя въ Бактріанѣ, сталъ носить царскую тиару и облаченіе, принималъ имя Артаксеркса и, окруженный многочисленными приверженцами изъ Персовъ и Бактрійцевъ, ждетъ прибытія на помощь къ себѣ союзныхъ Скивовъ (Арріанъ, I. с.) Извѣстія эти, конечно, еще болѣе увеличили желаніе Александра добраться поскорѣе до самозванца; почему въ этому именно времени и полагаемъ мы относящимся разказъ Кв. Курція о томъ, какъ македонскій государь, чтобы облегчить движеніе войскъ своихъ, обремененныхъ обозомъ съ огромною добычею, приказалъ сжечь этотъ обозъ, начиная съ собственныхъ его экипажей¹⁾. Но едва сдѣлалъ Александръ нѣсколько переходовъ изъ Сусій, какъ получилъ извѣстіе, что Сатибарзанъ, оставленный имъ сатрапомъ Аріи, возмущился, перебилъ данную ему греческую стражу, и въ Артаксанѣ, столицѣ области, собираетъ войско, чтобы идти съ нимъ на помощь къ Бессу. Александръ тотчасъ же вернулся и пресѣкъ возстаніе, но Сатибарзанъ, съ немногими всадниками, успѣлъ-таки убѣжать къ Бессу. Послѣ этого, Александръ, вмѣсто того, чтобы опять идти на сѣверовостокъ противу Бесса, поворачиваетъ вдругъ на югъ, въ Дрангіану. Что было причиною этой перемены въ его намѣреніяхъ, ни Арріанъ, ни Кв. Курцій, не объясняютъ. Причиною, полагаемъ, было соображеніе, что такихъ же враждебныхъ замысловъ, какіе обнаружилъ Сатибарзанъ въ Аріи, можно было ожидать и въ сосѣдней Дрангіанѣ, такъ какъ сатрапомъ тамъ сидѣлъ Барсентъ, одинъ, какъ видѣли мы, изъ участниковъ заговора противу Дарія, стало быть отъявленный врагъ македонскаго владычества въ Азіи. Не въ силахъ сопротивляться Александру, Барсентъ бѣжалъ на Индъ, но былъ схваченъ тамошними жителями и впоследствии выданъ Александру, который и приказалъ лишить его жизни. Изъ Дрангіаны прошелъ Александръ въ Гедросію, отсюда въ Аррахосію, изъ Аррахосіи въ Кабулистанъ, и всѣ эти страны покорилъ, повидимому, безъ особаго сопротивленія со стороны туземцевъ, тогда какъ въ Аріи Сатибарзанъ, явившійся туда съ двумя тысячами всадниковъ, данныхъ ему Бессомъ, опять поднялъ возстаніе. Распорядившись усмиреніемъ возставшихъ, причѣмъ палъ и Са-

¹⁾ Кв. Курцій, вн. VI, гл. 6, § 15.

тибарзанъ, Александръ снова двинулся на Бесса въ Бактріану, вторгнувшись туда съ юга черезъ „Кавказъ“ (Гиндукушъ)¹⁾.

Пока въ западной Европѣ не имѣлось о странахъ на югъ и на сѣверъ отъ Гиндукуша никакихъ сколько нибудь точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, комментаторы походовъ Александра утверждали единогласно, что черезъ хребетъ этотъ пробрался онъ Ваміанскою дорогою. Въ настоящемъ положеніи нашихъ географическихъ свѣдѣній о предметѣ, несомнѣнно, что въ Бактрію изъ Кабулистана проникъ Александръ однимъ изъ переваловъ въ Гиндукушѣ между 69 — 70 градусами восточной долготы²⁾. Бессъ не могъ не знать, откуда идетъ на него македонская рать, и упустилъ случай задержать ея движеніе, занявъ и укрѣпивъ эти перевалы. Это было непростительною оплошностію съ его стороны. Но онъ и вообще показалъ себя болѣе искуснымъ заговорщикомъ, чѣмъ способнымъ военачальникомъ или честнымъ патриотомъ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, хвастливый Персъ только совѣщался, и то не иначе какъ пируя съ друзьями. Онъ и въ Бактріанѣ-то не рѣшался сразиться съ Македонцами, а толковалъ, что уйдетъ собирать войско въ Согдіану, противопоставивъ Александру вторженію туда непреодолимую преграду — воды рѣки Окса, а чтобы затруднить самое движеніе его къ Оксу не нашелъ ничего лучше какъ опустошить весь прилежащій къ Гиндукушу край, уничтожить всѣ имѣвшіеся тамъ запасы продовольствія. Послѣдствіемъ такого откладыванья борьбы въ дальній ящикъ получилось то, что, когда македонскій герой сталъ подыматься на вершины Гиндукуша, войско бактрійское, въ числѣ семи или восьми тысячъ человекъ, коимъ располагалъ Бессъ, оставило его и разбрелось по домамъ, а самъ онъ, въ сопровожденіи Спитамена и Оксиарта, съ конницею согдійскою и съ кочевыми Даями, „пришедшими къ нему отъ береговъ Танаиса“ (Сыръ-Дары) — бѣжалъ за Оксъ, сжегъ судя, на которыхъ переправлялся черезъ рѣку, и укрылся въ Наутаку, что въ Согдіанѣ³⁾.

Походъ въ Гирканию былъ лишь эпизодомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Александра на пространствѣ Западной Персіи. Походъ его въ За-

¹⁾ Арріанъ, III, 25, 5 — 8; 28, 1 — 4; Кв. Курцій, VI, 6, 16 — 18; VII, 3, 9 — 11; Діодоръ, XVII, 78, 81, 83.

²⁾ См. Кабулистанъ и Кавристанъ К. Риттера, съ моими дополненіями (С.-Пб. 1867), стр. 734—738.

³⁾ Арріанъ, III, 28, 8; Кв. Курцій, VII, 4, 13—17).

падный Туркестанъ, сказаніе о которомъ имѣемъ мы въ виду разобрать и по возможности разъяснить, начался собственно со спускомъ Маведонцевъ съ высотъ Гиндукуша въ долину Аму-Дарьи.

Съ какими силами вступилъ Александръ въ эту долину—неизвѣстно положительнымъ образомъ, а вслѣдствіе того не представляется и возможности разсматривать его дѣйствія, принимая въ соображеніе точную численность войска, которымъ онъ располагалъ¹⁾.

Съ перевала черезъ Гиндукушъ спустился онъ, зимою 330—329 года, прямо въ Драсаку. Бактрійскій городъ этотъ называется у Страбона Дарапсою или Адрапсою²⁾. По имени и мѣстоположенію, это несомнѣнно нынѣшній Эндерабъ, селеніе у спуска съ Хавакского перевала на Гиндукушъ³⁾. Здѣсь далъ Александръ войску своему отдохнуть и оправиться, что было необходимо людямъ крайне-отошавшимъ и изнурившимся отъ безкормицы и холодовъ при 17-ти-дневномъ передвиженіи по засыпанному снѣгами Гиндукушу.

Изъ Драсаки—сказываетъ Арріанъ (III, 29, 1)—двинулся Александръ на Аоризъ и Бактру, важнѣйшіе города Бактрійцевъ, и взявъ ихъ съ перваго натиска, посадилъ гарнизонъ въ Аоризъ подъ начальствомъ Архелая Андроклова, изъ гетеріи. А какъ и остальные города Бактрии легко признали власть его надъ собою, то, назначивъ туда сатрапомъ перса Артабаза, повелъ войско къ Оксу, самой большой изъ рѣкъ, кромѣ индѣйскихъ, рѣкъ въ Азій, какія случалось ему встрѣчать⁴⁾. Гдѣ находилась Бактра—извѣстно: остатки ея и теперь еще замѣтны въ окрестностяхъ бывшаго города, нынѣ селенія, Балхъ⁴⁾. Но что такое Аоризъ? Мѣстности, соответствующей

¹⁾ Несогласны между собою историки Александра даже относительно численности войска, съ какими выступилъ онъ въ походъ на Персію: по Аристову, численность эта простиралась до 30,000 пѣхоты и 4,000 кавалеріи; по Птоломею Лагоу—до 30,000 пѣхоты и 5,000 кавалеріи; по Анаксимену—до 43,000 пѣхоты и 5,500 кавалеріи (*Scriptores rerum Alexandri Magni* въ изданіи К. Мюллера Parisis, 1846), pp. 38, 87, 96—97). На основаніи весьма уважительныхъ расчетовъ, Герибергъ (I. c., II, 127) полагаетъ, что по переходѣ черезъ Гиндукушъ, вступилъ Александръ въ Бактриану, имѣя немного болѣе 22,000 пѣхоты и 3,000—4,000 кавалеріи.

²⁾ *Geographica*, кн. XI, гл. II, 2, и кн. XV, гл. 2, 10.

³⁾ Описаніе этого перевала пробѣжавшими имъ Вудомъ и Лордомъ см. въ моихъ дополненіяхъ къ *Риттерову* Кабулѣстану, стр. 562—563.

⁴⁾ О развалинахъ около Балха см. у Борнса въ его Путешествіи въ Бухару, въ французскомъ переводѣ (Paris, 1835), т. II, стр. 226; и у Гродекова-Чрезъ Асганистанъ» (С.-Пб. 1880), стр. 56.

нынѣ этому пункту, напрасно стали бы мы доискиваться, такъ какъ, при отсутствіи какихъ-либо указаній о томъ, гдѣ находилась эта твердыня, и самое имя ея Аоризъ—не собственное, а нарицательное, точно также какъ и „Петръ“, которое не разъ встрѣтимъ далѣе. Другой Аоризъ, въ Кабулѣстанѣ, на берегу Инда, взялъ Александръ позже, на походѣ въ Индію¹⁾. Аоризъ—это грецизированная форма слова аварана, которое у Бактрійцевъ, по всей вѣроятности, имѣло то же значеніе, какъ и у Индѣйцевъ, то-есть, „ограда“, „цалисадъ“²⁾. Спѣша догнать Бесса, Александръ долженъ былъ изъ Драсаки на Бактру идти кратчайшимъ по возможности путемъ: потому Аоризъ едва ли находился вправо отъ его пути, и ужь если непременно нужно приурочить его къ какому-нибудь пункту на этомъ пути, то такимъ пунктомъ представляется намъ скорѣе всего нынѣшній городокъ и фортъ Гори, о которомъ посѣтившіе его въ 1840 годахъ англійскіе офицеры свидѣтельствуютъ, что это одна изъ самыхъ неприступныхъ твердынь страны³⁾.

И такъ Бактриана приобрѣтена была Александромъ почти безъ всякихъ усилій. Куда же дѣвалась прославленная доблесть Бактрійцевъ, почему на этотъ разъ оказались они такими податливыми относительно чужеземниковъ, вторгшихся въ ихъ родину? Много могло быть тому причинъ, намъ неизвѣстныхъ; одна же, бросающаяся въ глаза, это деморализація народонаселенія, произведенная Бессомъ. На всякое дѣло нуженъ предводитель, за которымъ бы шла масса, который бы увлекалъ ее; а тутъ предводитель, глава страны—бѣжалъ, непріятель же нахлынулъ прежде, чѣмъ успѣли сговориться, гдѣ и какъ противодѣйствовать ему.

Объ особыхъ трудностяхъ пути отъ Бактры къ Оксу, и лишеніяхъ, претерпѣнныхъ Македонцами на этомъ переходѣ, нѣтъ у Арріана ни слова. Квинтъ же Курцій (VII, 5, 18—19) рисуетъ страшную картину истомленія Александровыхъ воиновъ отъ зноя, движенія по раскаленнымъ пескамъ и жажды за отсутствіемъ хотя капли воды на протяженіи 400 стадій; выпито было все вино и даже масло, какое

¹⁾ Арріанъ, IV, 28, 1—3; Квинтъ Курцій, VIII, II.

²⁾ *Вилсона*: *Ariana Antiqua* (London, 1841), p. 192.

³⁾ *Борнса*, *A peep into Turkestan* (London, 1846), p. 161. По Герибергу (I. c., II, 106) Аоризъ могъ соответствовать нынѣшнему Хульму (Ташкургану): то имѣетъ смыслъ; полагать-же, какъ Дройзенъ (I. c., 239), что Аоризъ надо искать въ нынѣшнемъ Кундузѣ, нѣтъ никакихъ основаній.

только нашлось въ обозѣ; а когда, наконецъ, добрались до рѣки, многие опились до того что тутъ же умерли; и будто „погибло такимъ образомъ болѣе людей, чѣмъ въ какой-либо изъ Александровыхъ битвъ“. Это, конечно, риторическое преувеличеніе: иначе не съ чѣмъ было бы Александру и Согдіану идти завоевывать; но весьма возможно, что въ войскѣ Александромъ дѣйствительно оказалось не малое число опившихся и заболѣвшихъ, частію же и совсѣмъ отправившихся на тотъ свѣтъ. Увидимъ далѣе, что то же повторится съ Александровымъ войскомъ еще разъ въ теченіе разсматриваемаго похода. Объ Александрѣ же сказываетъ Курцій, что онъ въ послѣдній день перехода не ѣлъ и не пилъ, даже латы не снималъ, и удался отдохнуть тогда лишь, когда самыхъ отсталыхъ увидѣлъ уже добравшимися до мѣста. Ночь затѣмъ провелъ въ волненіи, не сомкнувъ глазъ. Не радостнѣе встрѣтилъ и утро, обнаружившее, что для переправы черезъ Оксъ не имѣлось ни судовъ, ни возможности построить моста, такъ какъ берега рѣки были голы и не представляли годнаго строительнаго матеріала ¹⁾.

На какой пунктъ Окса вышелъ Александръ, сдѣлавъ 400 стадій по безводнымъ пескамъ? Мы не знаемъ пункта, изъ котораго онъ выступилъ, потому указаніе продолжительности перехода не можетъ служить къ разъясненію предложеннаго вопроса. По всей вѣроятности выступилъ онъ изъ Бактры, и не пролагалъ какого-либо новаго пути, а шелъ обычною дорогою къ ближайшей переправѣ черезъ Оксъ, той переправѣ, гдѣ переплылъ рѣку и Бессъ. Такихъ, близкихъ отъ Бактры переправъ черезъ Оксъ было, вѣроятно, въ древности, какъ и теперь, двѣ: ближайшая—у нынѣшняго Чунка-Гузара; наиболѣе обычная—у нынѣшняго Келифа. И съ той и съ другой переправы идутъ дороги къ Самарканду, куда, какъ увидимъ, направился Александръ, переправившись черезъ Оксъ.

Но какъ же онъ переправился, когда, повидимому, не представлялось никакихъ къ тому средствъ? „Широкою являлась рѣка болѣе 6 стадій—сказываетъ Арріанъ (III, 29, 3)—при большой глубинѣ и песчаномъ днѣ; а теченіе было до того быстро, что все что втыкали въ мелкихъ мѣстахъ, не могло удержаться въ рыхломъ пескѣ и тотчасъ вырывалось и уносилось водою“. Какъ же поступилъ, въ такихъ обстоятельствахъ, гениальный Македонецъ? „Приказалъ онъ“—читаемъ у Арріана (III, 29, 4)—„собрать кожаные наметы съ солдатскихъ

палатокъ завернувъ въ нихъ самага сухаго хворосту, и спить ихъ тщательно, такъ чтобы не могла проникнуть въ нихъ вода: на такихъ-то мѣшкахъ и переправилъ войско въ теченіе пяти дней“. Легко сказать „спить кожи такъ, чтобы не могла пройти въ нихъ вода“, а сдѣлать это куда не легко: Александръ, вѣдь, не предполагалъ необходимости въ подобной переправѣ, слѣдовательно и не готовился къ ней: какимъ же чудомъ нашлись вдругъ въ его обозѣ, въ потребномъ количествѣ, необходимыя для такой операціи дратва и иглы или шилья? Явно, что Арріанъ не понялъ своихъ источниковъ, не постарался отдать себѣ отчета, какъ могло произойти описываемое имъ дѣло, и оттого представилъ его въ невозможномъ видѣ. Квинтъ Курцій тутъ толковѣе: по его словамъ, переправа совершена была „на кожаныхъ мѣхахъ (utres), набитыхъ соломомъ“, то-есть, на турсукахъ, въ какихъ возятъ вино и воду при движеніи въ жары по безводнымъ мѣстамъ. Это—исторія другаго рода: на такихъ турсукахъ, надувъ ихъ воздухомъ или набивъ соломомъ, можно плыть какъ на пузыряхъ. На такихъ турсукахъ, связанныхъ между собою и обращенныхъ въ плотъ помощію помоста изъ фашинъ, въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи не только переправляются черезъ весьма бурныя и широкія рѣки, но и совершаютъ по нимъ плаваніе. Объ этомъ Александръ могъ узнать отъ вожаковъ своихъ еслибы уже самъ не испыталъ такого рода переправы—черезъ Дунай, во время похода на Гетовъ: описаннымъ у Курція способомъ и предпринята была переправа черезъ Оксъ, такъ какъ турсуки имѣлись несомнѣнно въ обозѣ Македонцевъ, ибо безъ турсуковъ съ водою не могли бы они сдѣлать и одного перехода по раскаленнымъ зноемъ и безводнымъ пескамъ, какіе встрѣчались имъ на пути по многимъ пространствамъ западной, южной и восточной Персіи.

Уходя изъ Бактріаны въ Согдіану, Александръ, по словамъ Курція (VII, 5, 19), оставилъ въ первой весѣ излишній багажъ и всѣ тяжести, такъ что выступилъ совершенно на, легкѣ. Тѣмъ менѣе пренятствій представлялось ему къ переправѣ черезъ Оксъ. У Арріана-же читаемъ (III, 29, 5), что передъ переправою принималъ онъ другую мѣру къ облегченію движенія своего—отпустилъ домой изъ Македонянъ и вессалійскихъ добровольцевъ всѣхъ тѣхъ, которые не годились уже для боя, ослабленные лѣтами или ранами. По Курцію (VII, 5, 20), мѣра эта принята была уже послѣ перехода черезъ Оксъ, причемъ отпущеннымъ, въ числѣ около 900 человекъ, дано было въ награду по два таланта на каждаго всадника и по 3,000 динариевъ на каждаго

¹⁾ Квинтъ Курцій, VII, 5, 19.

пѣхотница, со внушеніемъ, чтобы, по возвращеніи домой, озаботились „народить дѣтей“. Переправа черезъ Оксъ продолжалась по Курцію не пять, а шесть дней. И Бессъ не воспользовался случаемъ, если не совершенно воспрепятствовать переправѣ, то, по крайней мѣрѣ, нанести переправлявшимся всевозможный вредъ! А это было такъ легко для него, даже при небольшомъ числѣ войска, въ виду того затруднительнаго способа переправы, къ которому пришлось по необходимости прибѣгнуть Александру.

Въ такомъ возмутительно-малодушномъ поведеніи Бесса, а не въ какихъ-либо другихъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать причину того, какъ поступили съ нимъ товарищи его бѣгства изъ Бактріаны, Спитаменъ и Датафернъ. Они арестовали его, не заглянувъ однако же въ оковы, и извѣстили Александра, что выдадутъ ему арестанта, если онъ, Александръ, пришлетъ за этимъ кого-либо изъ своихъ вождей съ нѣкоторымъ числомъ войска. Вслѣдствіе такой неожиданной новости, полученной имъ повидимому тотчасъ послѣ переправы черезъ Оксъ, Александръ послалъ впередъ, къ Спитамену и Датаферну, Птоломея Лагова съ тремя конными полками (πλῆρουχία) изъ гетеріи и со всѣми имѣвшимися конными копѣйщиками, придавъ изъ пѣхоты Филотовъ полкъ (τάξις), тысячу человекъ щитовосцевъ, всѣхъ Агріанцевъ и половину стрѣльцовъ; самъ-же, не спѣша, двинулся вслѣдъ за этимъ отрядомъ. Какою дорогою? Судя по тому, что Бессъ укрылся въ Наутаку, Александръ-же направлялся именно на Бесса, слѣдуетъ полагать, что и его путь лежалъ на Наутаку. Такъ назывался, по мнѣнію однихъ, средневѣковой Кешъ, по мнѣнію другихъ—вынѣшній Карши ¹⁾. Мы не присоединяемся ни къ тому, ни къ другому мнѣнію, находя что Наутака не есть названіе города, а имя цѣлаго края, именно края на югъ отъ Шегрисебза вплоть до Аму-Дарья ²⁾. Что касается до Птоломея, онъ, сдѣлавъ десять переходовъ въ четверо сутокъ, прибылъ на мѣсто, гдѣ наканунѣ находился

¹⁾ Изъ новыхъ историковъ Александра, къ Карши приурочиваетъ Наутаку Дройзенъ (I. с., p. 239), къ Кешу (то-есть, Шегрисебзу)—Герцбергъ (I. с., II, 114). Последняго мнѣнія держится и новѣйшій изслѣдователь Согдіаны, Томашекъ. Въ настоящее время нѣтъ ни города Кеша, ни города Шегрисебза: Шегрисебзомъ называется цѣлое владѣніе съ двумя въ немъ городами: Катабомъ и Шаромъ. Последній, по всей вѣроятности, и есть Кешъ средневѣковой географіи.

²⁾ Слѣдовательно, съ переправы у Келѣа или Чушка-Гузвара, могъ Александръ, смотря по мѣстопребыванію Бесса въ Наутаку, направиться или на Карши, или на Ширабадъ.

лагерь Спитаменовъ, но тутъ узналъ, что Спитаменъ и Датафернъ не порѣшили еще относительно выдачи Бесса: сторонникамъ Спитамена выдача эта показалась дѣломъ постыднымъ, и они ушли изъ того мѣстечка, гдѣ находился Бессъ, оставивъ его тамъ съ немногими воинами. Мѣстечко это обведено было стѣною съ воротами. Птоломея, приказавъ пѣхотѣ своей слѣдовать за нимъ въ боевомъ порядкѣ, самъ съ одною конницею поспѣшилъ къ означенному мѣстечку, и окруживъ его, потребовалъ отъ жителей, чтобы они выдали Бесса, съ обѣщаніемъ, что въ такомъ случаѣ не причинитъ имъ никакого вреда. Тѣ впустили Птоломея въ ворота, и онъ, захвативъ Бесса, повезъ его къ Александру.

Такъ, со словъ самого Птоломея, повѣствуетъ о происшествіи Арріанъ (III, 29, 6—7 и 30, 1—2), присовокупляя, что по Аристову дѣло было нѣсколько иначе, то-есть, что Бессъ взятъ былъ не Птоломеемъ, а привели къ нему Бесса, нагаго и связаннаго, сторонники Спитамена и Датаферна. У Кв. Курція (VII, 5, 20) исторія арестованія и выдачи Бесса разказана съ гораздо большими подробностями, частію невѣроятными. Сущность его разказа заключается въ томъ, что Спитаменъ и соумышленники его, Датафернъ и Катенъ, сговорились захватить Бесса въ тѣхъ видахъ, чтобы, выдавъ его Александру, приобрести такимъ поступкомъ милость послѣдняго, и захвативъ, сами повезли къ нему Бесса.

Какъ же принялъ Александръ этого врага своего, котораго считалъ вначалѣ столь опаснымъ, и который оказался такою презрѣнною ничтожностью?

По разказу Птоломея, передаваемому Арріаномъ (III, 30, 3—5), военачальникъ этотъ, завладѣвъ Бессомъ, послалъ спросить Александра, въ какомъ видѣ долженъ онъ представить ему плѣнника? Тотъ приказавъ привести его голаго, въ оковахъ, съ цѣпью на шеѣ, и поставить по правую сторону дороги, которую предстояло слѣдовать самому Александру съ войскомъ. Увидя поставленнаго такимъ образомъ Бесса, Александръ остановилъ свою колесницу, и обратился къ плѣннику, спросилъ: „ради чего онъ царя Дарія, родственника (?) своего и благодѣтеля, захватилъ, везъ въ оковахъ и наконецъ убилъ?“ На это Бессъ отвѣчалъ „что такъ поступлено было не по одного его мысли, а по мысли всѣхъ находившихся тогда при Даріѣ, чтобы списать себѣ тѣмъ у него, Александра, сохраненіе собственной жизни“. Тогда Александръ приказавъ высѣчь Бесса, и объявить че-

резъ глашатая за какую вину онъ этому подвергнуть. Вслѣдъ затѣмъ былъ Бессъ отосланъ въ Бактру, для совершенія надъ нимъ смертной казни.

У Квинта Курція разказъ объ этомъ опять размазанъ, со вставкою рѣчей, которыя едва ли могли быть произнесены. По его разказу (VII, V, 22), Бесса, нагаго, съ цѣпью на шеѣ, привелъ къ Александру, когда—этотъ послѣдній находился уже около Яксарта, самъ Спитаменъ, говоря: „Мстителъ за тебя и за Дарія, царей моихъ, привожу къ тебѣ убійцу своего государя, овладѣвъ имъ такимъ же способомъ, какому самъ онъ подалъ примѣръ. О еслибы Дарій могъ открыть глаза и насладиться этимъ зрѣлищемъ! Еслибы могъ возстать изъ мертвыхъ онъ, незаслужившій участи, которая его постигла, и вполне достойный доставляемаго ему теперь мною утѣшенія!“ Александръ, воздавъ Спитамену за этотъ поступокъ его многія похвалы, обратился затѣмъ—продолжаетъ Курція—къ Бессу, спрашивая „что за дивное бѣшенство побудило тебя заключить въ оковы и потомъ убить царя къ тебѣ столь благоволившаго? Не изъ-за того ли совершилъ ты столь страшное злодѣяніе (собственно „отцеубійство“), чтобы украсить похищеннымъ тобою царскимъ титуломъ?“ На это Бессъ, не дерзая отрицать совершеннаго имъ преступленія, оправдывался тѣмъ, что „похитилъ онъ царскій титулъ съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы, пользуясь имъ, могъ передать царство свое Александру, и что если бы не онъ это сдѣлалъ, то царскимъ вѣнцомъ овладѣлъ кто-либо другой“. Тогда Александръ, велѣвъ приблизиться Оксатру, брату Дарія, принятому имъ въ число своихъ тѣлохранителей, выдалъ ему Бесса, съ тѣмъ чтобы раснять послѣдняго на крестѣ, съ отрѣзанными носомъ и ушами, и въ заключеніе пристрѣлить стрѣлами. Послѣ этого всѣмъ приведшимъ Бесса розданы были дары; но затѣмъ казнь его отсрочена, съ тѣмъ чтобы совершить ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Дарій.

Относительно Бессова отвѣта на укору Александра замѣтимъ, что говорилъ ли онъ то, что приписываетъ ему Арріанъ, или то, что влагаетъ въ уста ему Кв. Курція, или наконецъ, ни того, ни другаго не говорилъ, настоящей причины почему арестованъ былъ Дарій сказать онъ не могъ, такъ-какъ она усугубила бы вину его передъ Александромъ. Что же касается до римски обточенныхъ фразъ, приписываемыхъ Спитамену при представленіи имъ Бесса Александру, то фразы эти совершенно несомѣстны съ благороднымъ характеромъ

Спитамена, котораго Кв. Курція не понималъ¹⁾, не говоря уже о томъ, что и самый фактъ привода Спитаменомъ Бесса къ Александру—выдуманъ, такъ-какъ, судя по болѣе правдивому разказу Арріана, Спитаменъ вовсе не являлся въ лагерь къ Александру, а бросилъ Бесса съ приближеніемъ Птоломея, отправился вглубь Согдіаны устривать тамъ противу приближавшихся Македонцевъ возстанія, руководить которыми недоставало духа у Бесса.

Отославъ Бесса въ Бактру, и ремонтировавъ кавалерію свою приобрѣтенными на пути по краю лошадами, такъ-какъ большее число ихъ пало при переходѣ черезъ Кавказъ (Гиндукушъ) и при движеніи къ Оксу и отъ Окса, Александръ, по словамъ Арріана (III, 20, 6), двинулся къ Маракандѣ, столицѣ земли Согдійской, а оттуда направился къ Танаису (Яксарту, Сыръ-Дарьѣ). Изъ послѣдующаго его повѣствованія видно, что въ Маракандѣ оставленъ былъ греческій гарнизонъ; но сдался ли этотъ, столь важный, городъ добровольно, взятъ ли онъ былъ силою, нѣтъ о томъ у Арріана ни слова. Что находимъ объ этомъ у Курція, изложено будетъ ниже; здѣсь же замѣтимъ, что у этого писателя встрѣчается (VII, 5, 21) весьма обстоятельный разказъ о томъ, какъ на пути отъ Окса къ Танаису, до или послѣ захвата Бесса, попался Македонцамъ маленькій городокъ, населенный Бранхидами, потомками тѣхъ милетскихъ Бранхидовъ, которые выселены были сюда Ксерксомъ, послѣ того какъ на обратномъ пути его изъ Греціи, выдали ему сокровища Аполлонова храма въ Дидимѣ, которымъ завѣдывали; выселены, по собственной ихъ просьбѣ, чтобы избавиться отъ мести Грековъ за такой ихъ поступокъ. Эти милетскіе выходцы—сказываетъ Курція—соблюдали еще обычай отдаленной родины, но говорили уже на языкѣ изъ смѣси греческаго съ туземнымъ. Встрѣтили они Александра съ радостію, предавая ему себя и свой городокъ. По этому случаю, онъ созвалъ Милетцевъ, служившихъ въ его войскѣ, и предоставилъ имъ рѣшить участь Бранхидовъ (Милетцы питали страшную ненависть къ Бранхидамъ); а когда мнѣнія ихъ раздѣлились, то объявилъ, что самъ рѣшитъ эту участь, и на слѣдующій день, взявъ съ собою Милетцевъ, вошелъ въ городокъ, и велѣлъ вырѣзать всѣхъ его жителей до послѣдняго; мало того: скрыты были самыя стѣны городка, такъ что слѣ-

¹⁾ Потому что слабо раздѣлялъ взглядъ Александра, который, воображая себя, со смертію Дарія, законнымъ государемъ Персіи, всякое сопротивленіе его оружію со стороны бывшихъ подданныхъ Дарія считалъ преступленіемъ.

довъ его не осталось, и уничтожены до тла даже священныя около него рощи. Самъ Курцій не можетъ удержаться отъ негодованія, разказывая объ этомъ варварствѣ противъ совершенно-невинныхъ людей. И мы нисколько не сомнѣваемся, чтобы великій Александръ не былъ способенъ на такое варварство: слишкомъ много имѣется доказательствъ, что человѣчности въ немъ было не болѣе чѣмъ у Чингисъ-Хана или Тамерлана. Но — имѣлъ ли мѣсто самый фактъ, о которомъ повѣствуетъ Курцій? Мы думаемъ, что потомки Бранхидовъ, встрѣченные въ Согдіанѣ, не болѣе дѣйствительны чѣмъ Прометеева пещера, встрѣченная тѣми же Македонцами въ горахъ Гиндукуша, чѣмъ царица Амазонская Фалестра, якобы являвшаяся къ Александру въ Гарканиі. Что Александръ велѣлъ вырѣзать жителей каковаго нибудь городка на пути его отъ Окса къ Яксарту; за какую-либо ихъ противъ него провинность, и затѣмъ срыть самый городокъ, это какъ нельзя болѣе вѣроятно; но чтобы это былъ именно городокъ Бранхидовъ — болѣе нежели сомнительно, хотя мы и не знаемъ повода, по которому приплетены они къ разоренному въ Согдіанѣ городу.

До сихъ поръ походъ Александра по Согдіанѣ представляется торжественнымъ шествіемъ безо всякихъ препятствій. Не видимъ ни одного случая, чтобы до Мараканды туземцы встрѣтили гдѣ-нибудь Македонянъ съ оружіемъ въ рукахъ. Не оказала по видимому сопротивленія и эта столица страны, какъ не оказала его и столица Бактріаны. И вотъ Александръ смѣло идетъ изъ Мараканды уже къ берегамъ далекаго Яксарта, о которомъ Греки имѣли такое смутное представленіе, что смѣшивали его съ Тавансомъ (Дономъ) въ Европѣ; идетъ, быть можетъ, потому только, что до этихъ далекихъ водъ доходилъ до него одинъ Киръ персидскій; а ему, Александру, слѣдовало совершить всѣ тѣ подвиги, какіе до него совершены были кѣмъ-либо изъ извѣстныхъ Грекамъ героевъ, начиная съ Вакха и Геркулеса¹⁾. На этомъ пути къ Яксарту онъ впервые сталкивается враждебно съ туземцами. Случилось это такимъ образомъ: нѣкоторые изъ Македонцевъ, фуражируя, зашли далеко отъ лагеря; на этой фу-

¹⁾ Такого именно рода побужденіями, въ духѣ своего времени, руководился Александръ во многихъ изъ своихъ дѣйствій, а вовсе не тѣми видами и соображеніями, какіе вѣщаютъ его имѣть историки новаго времени, переносящіе въ древность идеи и стимулы своего вѣка. Такой взглядъ на Александра имѣлъ и высказывалъ неоднократно еще Страбонъ.

ражировкѣ, не обошедшейся, по всей вѣроятности, безъ насилія туземцамъ, эти послѣдніе перебили фуражировъ, и опасаясь возмездія, укрылись на высокія горы, находившіяся, должно полагать, по содѣйствію съ ними. Такихъ бѣглецовъ было, по Арріану, 30,000. Александръ не считъ выгоднымъ оставить поступокъ ихъ безъ наказанія и тотчасъ же отправился для этого съ отрядомъ изъ самыхъ легкихъ войскъ. Нѣсколько разъ взбирались Македоняне на горы, но туземцы смѣло поражали ихъ, и, ранивъ многихъ, заставляли отступать. Самъ Александръ раненъ былъ стрѣлою въ голень. Тѣмъ не менѣе, возвышенія взяты были наконецъ, и большая часть укрывшихся на нихъ туземцевъ перебита Македонцами или погибла бросаясь со скалъ, такъ что изъ 30,000 спаслось всего не болѣе 8,000. Такъ повѣствуетъ Арріанъ объ этомъ образчикѣ Александровой гуманности (III, 30, 10—11): за нѣсколько человѣкъ убитыхъ фуражировъ поплатилось жизнью около 22,000 туземцевъ. Объ этомъ же случаѣ разказываетъ съ нѣкоторыми вариантами и Кв. Курцій. Въ его редакціи, туземцевъ или, какъ выражается онъ, разбойниковъ, ушедшихъ въ горы было 20,000, и Александръ не истребилъ ихъ, а простилъ, когда они прислали къ нему депутатовъ съ повинною, и принявъ ихъ въ подданство, только отобралъ захваченныхъ ими на фуражировкѣ Македонцевъ. Но событіе это произошло, по римскому историкъ, не на пути отъ Мараканды къ Тавансу, а за четыре дня пути, не доходя еще до Мараканды. Эти четыре дня раненнаго Александра несли вонны его на носилкахъ. О Маракандѣ сообщаетъ Курцій, что стѣна ее окружавшая имѣла 70 стадій протяженія, но кремль городской стѣнами не защищался. О какомъ-либо сопротивленіи со стороны жителей при занятіи Мараканды Александромъ Кв. Курцій не упоминаетъ; онъ замѣчаетъ только, что въ городѣ этомъ оставленъ былъ гарнизонъ, а сосѣднія селенія разграблены и сожжены¹⁾, за какия вины, остается необъясненнымъ — вѣроятно также за какое нибудь сопротивленіе его фуражирамъ: всякое противодѣйствіе себѣ въ завоевываемой странѣ считалъ Александръ, какъ считалъ это и Тамерланъ, противодѣйствіемъ волѣ Божества, требовавшимъ примѣрнаго наказанія: не даромъ же приписывалъ онъ себѣ божественное происхожденіе и принималъ божескія почести.

За исключеніемъ изложенной стычки съ горцами неподалеку отъ Мараканды, до береговъ Яксарта (Сыра) достигъ Александръ по ви-

¹⁾ Квинтъ Курцій, VII, 6, 23—24.

димому безпрепятственно. На какой пунктъ Сыра оны вышеть и какою дорогою дошелъ туда отъ Мараканды, никакихъ указаній на то не находимъ, какъ не находится ихъ и относительно лѣвию его пути отъ Окса до Мараканды. Одно можно сказать по этому предмету — что, по всей вѣроятности, путь Александра отъ Мараканды къ Яксарту шель тѣми же мѣстами, какими пролегалъ и нынѣшняя дорога отъ Самарканда къ Ходженду и въ Ферганскую область, почему естественно предположить, что около нынѣшняго же Ходженда увидѣлъ впервые воды Яксарта и нашъ знаменитый Македонецъ.

По прибытіи уже на Яксартъ или еще не доходя до него, встрѣченъ былъ Александръ посольствами къ нему отъ Скивоовъ: какъ отъ тѣхъ Скивоовъ — старается объяснить читателямъ своимъ Арріанъ (IV, I, 1—1), — которые зовутся Абіями и живутъ въ Азіи, такъ и отъ Скивоовъ европейскихъ (то-есть, черноморскихъ). Зачѣмъ явились оба посольства, Арріанъ не говоритъ. По Квинту Курцію, Абіи, независимые со смерти Кира (но гдѣ же начиталъ Курцій, что какой-либо изъ скискихъ народовъ былъ покоренъ Киромъ?), явились предложить свое подданство Александру. Что кочевники, на дѣлѣ не терпящіе надъ собою никакой чуждой власти, очень охочи предлагать свое подданство, это извѣстно ¹⁾. Потому, весьма можетъ быть, что прослышавъ о приближеніи къ Яксарту такого грознаго завоевателя какъ Александръ, какой-нибудь изъ ближайшихъ къ этой рѣкѣ Скискихъ народовъ и нашелъ небезвыгоднымъ отправить къ нему пословъ съ предложеніемъ покорности, а можетъ быть и съ цѣлю разузнать поближе о силахъ и намѣреніяхъ македонскаго героя; но чтобы это были тѣ именно Абіи, которыхъ прославлялъ еще Гомеръ — едва ли, хотя Абіи являются на сѣверѣ Азіи и у Птолемея, во II вѣкѣ по Р. Х., являются, впрочемъ, быть можетъ, тоже лишь по старой памяти. Въ отвѣтъ на посольство европейскихъ Скивоовъ, Александръ, по Арріану, тоже отправилъ къ нимъ пословъ, какъ знаеъ дружбы по наружности, собственно же съ тою цѣлю, чтобы послы его познакомились съ мѣстностями Скиской страны, численностію ея обитателей, ихъ обычаями и вооруженіемъ. Квинтъ Курцій о посольствѣ къ Александру отъ европейскихъ Скивоовъ не упоминающій, сказываетъ тѣмъ же не менѣе (VII, 6, 24), что Александръ отправилъ къ

нимъ посломъ Пениду, одного изъ гетеріи, съ приказаніемъ чтобы они не переходили Танаиса безъ его разрѣшенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему и порученіе о которомъ читаемъ у Арріана. У обоихъ историковъ видимъ тутъ *qui pro quo*, источникомъ котораго является смѣшеніе ими Танаиса азіатскаго, то-есть, Сыр-Дарьи, съ Танаисомъ европейскимъ, то-есть, съ Дономъ. Какая статья была Александру удерживать европейскихъ Скивоовъ отъ перехода черезъ Донъ? Нужно ему было, дѣйствительно, чтобы не переходили изъ за Сыр-Дарьи обитавшіе за нею Скиены, то-есть, чтобы они не приходили на помощь Согдійцамъ противъ него, о чемъ давно уже шли съ ними переговоры у Бесса: вотъ оны и отправилъ посла къ этимъ засырскимъ (а не европейскимъ) Скивоамъ, поторговаться на счетъ означеннаго предмета, да, вмѣстѣ съ тѣмъ, и высмотрѣть, на случай войны съ этими кочевниками, какова страна ихъ и какъ они тамъ живутъ и каковы ихъ военныя средства. Историкъ-же прочли въ своихъ источникахъ о посылкѣ посла къ Скивоамъ за Танаисъ, да и рѣшили, что это было посольство къ европейскимъ Скивоамъ.

За разказомъ о посольствахъ отъ Скивоовъ и къ Скивоамъ, въ обоихъ нашихъ источникахъ слѣдуетъ рѣчь о томъ, что Александръ задумалъ построить на Танаисѣ (Сырѣ) городъ, который, увѣковѣчивая память о пребываніи его въ этихъ мѣстахъ, служилъ бы пунктомъ, изъ котораго удобно было предпринять походъ противъ Скивоовъ, еслибы это понадобилось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оплотомъ покореннаго имъ края противъ вторженій зарѣчныхъ „варваровъ“ ¹⁾. Замѣтимъ здѣсь, что „варварами“ зоветъ Арріанъ, конечно, по примѣру сопутниковъ Александровыхъ, осѣдлыхъ туземцевъ. Слѣдовательно, если говорить оны о варварахъ по ту сторону Сыра, значитъ правое побережье этой рѣки имѣло, въ Александрово время, осѣдлое населеніе, по крайней мѣрѣ на протяженіи бывшей Ташкини.

Исполненіе означеннаго намѣренія пришлось однакоже Александру отложить на время. Мечты его прерваны были неожиданно извѣстіемъ что туземное населеніе вокругъ него — возстало. „Варвары смежные съ рѣкою захватили и перебили македонскіе гарнизоны въ скискихъ городахъ и стали города тѣ укрѣплять. Къ отладенію этому приложились и многіе изъ Согдійцевъ, подвигнутые къ тому лицами, захватившими Бесса, которые привлекли на сторону свою и часть Бактрийцевъ“. Въ такихъ короткихъ и неясныхъ словахъ говоритъ Ар-

¹⁾ Разъяснено въ трудѣ моемъ: Die Nomaden als Nachbarn und Eroberer civilisirten Staaten (St.-Petersburg, 1875), S. 59.

¹⁾ Арріанъ, IV, 1, 3.

рианъ (IV, 1, 4—5) о возстаніи, охватившемъ со всѣхъ сторонъ побѣдоносное доселѣ македонское войско, и поставившемъ его въ крайнюю опасность не только потерять плоды всѣхъ предшествовавшихъ битвъ, но и погибнуть безъ славы вдали отъ родины. До сихъ поръ ничего подобнаго не случалось съ македонскомъ завоевателемъ на всемъ пути его изъ Греціи до Яксарта. Чтò покорялось ему въ Западной Азіи, то уже не возставало; а тутъ, послѣ триумфальнаго шествія отъ самаго Гиндукуша, не прерывавшагося ни диною битвою, когда, казалось, народонаселеніе подчинилось власти такъ легко, такъ безропотно — и вдругъ онъ отовсюду окруженъ врагами, отрѣзанный ото всякой помощи, которая могли бы придти на выручку. Не такой духъ оказывался господствующимъ въ Туранѣ, съ какимъ привыкъ онъ имѣть дѣло въ Иранѣ. Если Дарій не умѣлъ отстоять отъ него своего царства, если презрѣннымъ трусомъ оказался Бессъ, за то здѣсь, въ Туранѣ, нашлись сердца которыя не могли примириться съ чувствомъ покорности чужеземцу, нашлись руки, которыя взялись за дѣло народной мести незванымъ пришлецамъ¹⁾. Историки Александра

¹⁾ Вотъ чтò по этому предмету читаемъ у Герцберга (I. с. II, 125): «Der Schrecken, der vor Alexander herging, die Schnelligkeit seiner Bewegungen, dazu die Unfähigkeit Bessos und der Verrath seiner Generale (разумеются Спитаменъ и Датавернъ) hatten Sogdiana wie Baktrien leicht in die Hand der Makedonen gegeben. Allein in diesem Lande war das Volk noch roher und kräftiger, als in den übrigen Arischen Gebieten. Hier lebte noch ungebrochen bei dem mächtigen Adel wie bei einem grossen Theile des Volkes eine wilde Freiheitsliebe, ein trotziges asiatisches Nationalgefühl. Seit Jahrhunderten hatte man hier keinen anderen Feind im Lande gesehen, als etwa die wilden turanischen Räuber, und diesen fühlte man sich doch weit weniger fremd, als den stolzen Griechen und Makedonen, die jetzt mit einem Male die Herren in Land spielten. Und nun können wir kaum bezweifeln, dass die Truppen Alexanders, die im Laufe dieses Krieges immer mehr verwildert waren, diese Länder mit allem Uebermuth der Sieger und mit jenem beleidigenden Hochmuth einer höheren Race behandelt haben werden, den noch heute die Europäer in Orient leider so oft an den Tag legen. Das schreckliche Schicksal der Branhidien wird schwerlich dahin gewirkt haben, die Gemüther der Sogdirner zu beruhigen. Dazu kam endlich dass Spitamenes und seine Genossen sich der gährenden Bevölkerung als natürliche Führer darboten. Все это совершенно вѣрно. Но странно, какъ, при такомъ пониманіи тогдашнихъ обстоятельствъ, Герцбергъ вполнѣ вѣрять Курцію, и глядѣть на Спитамена и его сообщниковъ глазами этого историка: вѣрять, что Спитаменъ съ Датаверномъ и Катеномъ сами, своими руками, выдали Бесса Александру, были имъ за то щедро награждены, и остались у него на службѣ, а когда вспыхнуло возстаніе въ Согдіанѣ, «измѣнили» ему (I. с. II, 118): Wir wissen nicht—говоритъ онъ—was jene Männer neuerdings gegen Alexander erbittert hatte (I. с. II, 125). Какое тутъ neuerdings, когда они

не называютъ вспыхнувшаго въ Согдіанѣ возстанія иначе какъ „бунтомъ“, „измѣною“; но это черезъ чуръ прусскій взглядъ на дѣло. Нахлынула волна на человѣка—онъ нагнулся; волна перекатилась—онъ не захлебнулся и опять поднялъ голову: значить бунтовщикъ, онъ обязанъ былъ утонуть.— Затѣмъ, о какихъ это „скиѣскихъ“ городахъ по берегамъ Сыра, занятыхъ македонскими гарнизонами, говоритъ Арріанъ? О занятіи этихъ городовъ Македонцами не было у него, предварительно, рѣчи. Но какъ истребленіе гарнизоновъ этихъ возставшими туземцами — фактъ, то слѣдуетъ, что въ изложеніи дѣйствій Александровыхъ отъ занятія Мараканды до намѣренія строить Александрію на Яксартѣ сдѣланъ Арріаномъ важный пропускъ — оставлены безъ вниманія сказанія Александровыхъ спутниковъ о покореніи имъ областей и городовъ по Сыру и около пути отъ Мараканды къ этой рѣкѣ. Далѣе — рѣчь идетъ явно о городахъ по лѣвому берегу Сыра, такъ какъ Александръ не переправлялся еще черезъ рѣку: какіе же на этомъ, лѣвомъ берегу могли быть „скиѣскіе“ города, когда Скиѣи, по всѣмъ о нихъ сказаніямъ древности, вели жизнь кочевую и городовъ не имѣли? Да и по Арріану видимъ, что македонскіе гарнизоны въ этихъ городахъ избиты были не Скиѣи, а „ближайшими къ рѣкѣ варварами“, то-есть осѣдлыми туземцами. Если прилагательное „скиѣскими“ не описки тутъ у Арріана, то затрудненіе можно устранить предположеніемъ, что „скиѣскими“ названы у Арріана возставшіе города потому, что они платили дань зарѣчнымъ Скиѣамъ, обезпечивая себя тѣмъ отъ ихъ грабительскихъ вторженій — обстоятельство весьма возможное и допустимое тѣмъ скорѣе, что подобнаго рода отношенія существовали на берегахъ того же Сыра между осѣдлыми его обитателями и зарѣчными тюркскими колѣнами, какъ извѣстно, въ X столѣтіи, а по всей вѣроятности, и позже, и ранѣе этого времени. Но кто же были тѣ „ближайшіе къ рѣкѣ варвары“, которые вырѣзали македонскіе гарнизоны? Вопросъ этотъ могъ бы показаться празднымъ, еслибы не слѣдующая фраза Арріана, что къ возстанію приложились и „многіе изъ Согдійцевъ“: значить онъ отличаетъ Согдійцевъ отъ означенныхъ

съ начала и до конца являются открытыми врагами Александру, и никогда съ нимъ не мирились какъ съ виновникомъ порабощенія ихъ отечества. Понятно, что риторы времени Римской имперіи могли назваться злодѣями всѣ не преклонившіеся передъ Александромъ, но непонятно это со стороны историка нашего времени.

„возставших варваров“, значить, были это не Согдійцы, а какой-либо другой народъ. Весьма возможно и это обстоятельство, хотя изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ писателей древности узнаемъ объ немъ отъ одного только Арріана, да и то мимоходомъ. Согдійцы, я думаю, имя хорографическое, а не этнографическое, и значило „жители Согды“, какъ называлась въ древности и въ средніе вѣка долина рѣки Зерафшана; а лѣвое побережье Сыра, не только въ низовьяхъ этой рѣки, но и по среднему ея теченію, ничего общаго съ Согдомъ не имѣетъ и даже политически никогда къ нему не причислялось, почему и обитатели этого побережья, можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, родственные Согдійцамъ по крови и языку, тѣмъ не менѣе имени этого не носили, а звались какъ-нибудь иначе, и Арріанъ правъ, отличая ихъ отъ Согдійцевъ.

О виновникахъ возстанія историкъ этотъ говоритъ глухо, что это были тѣ же лица, которыя арестовали Бесса. Кв. Курцій (VII, 6, 25) поименовываетъ ихъ: Спитаменъ и Катень; но по этому случаю опять разказываетъ невѣроятную и несообразную съ обстоятельствами исторію объ измѣнническомъ будто бы въ отношеніи къ Александру поведеніи обоихъ. Поводомъ къ соединенію Бактрійцевъ съ возставшими Согдійцами называетъ Арріанъ (III, 4, 9) распоряженіе Александра (съ какою цѣлію сдѣланное—остается неизвѣстнымъ) „чтобы эпархи Бактрійской области собрались въ наибольшемъ той страны городѣ Заріаспѣ, каковой созовъ, по мнѣнію этихъ эпарховъ, добра имъ не обѣщала, то-есть мѣстная аристократія бактрійская опасалась какого-нибудь коварства со стороны Александра, и потому предпочла предупредить его замыслы, присоединившись къ возстанію въ Согдіанѣ. Ядро возстанія составляли, по Курцію (I. с.), 7,000 всадниковъ, къ которымъ примыкало и остальное народонаселеніе.

Посмотримъ теперь, какъ управился Александръ съ трудностями своего положенія. Въ семи городахъ укрѣпились возставшіе туземцы, по словамъ Арріана (IV, 2, 1—4), и главнымъ изъ этихъ городовъ называетъ онъ Кирополь, куда стеклось наибольшее число возставшихъ. Къ этому центру „мятежа“ Александръ отправилъ немедленно одного изъ способнѣйшихъ военачальниковъ своихъ, Кратера, съ приказаніемъ лагерь свой разбить близъ Кирополя, обречь его рвомъ и валомъ и заняться устройствомъ осадныхъ машинъ, съ тою это цѣлію, чтобы горожане киропольскіе, занятые отраженіемъ Кратера, не могли подать помощи другимъ „взбунтовавшимся“ городамъ. Самъ же, приказавъ пѣхотѣ изготовить лѣстницы, кинулся съ нею къ ближай-

шему отъ лагера его городу, Газѣ по имени, и немедленно повелъ атаку на городскую стѣну, которая сбита была изъ глины и притомъ не высока, осыная защитниковъ ея градомъ стрѣлъ изъ луковъ и военныхъ машинъ; а когда очистилъ такимъ способомъ стѣну, велѣлъ приставить лѣстницы, и Македоняне взяли городъ приступомъ, причемъ, по приказанію Александра, всѣхъ взрослыхъ мужчинъ въ немъ перебили, женщинъ и дѣтей увели въ плѣтъ, имущество расхитили, и, прибавляетъ Курцій—разрушили самый городъ, чтобы этимъ примѣромъ жестокости навести страхъ и на прочее возставшее населеніе. Вслѣдъ за этимъ—продолжаетъ Арріанъ—тотчасъ же двинулся Александръ къ другому изъ возставшихъ городовъ, взявъ его такимъ же образомъ какъ и Газу, и такимъ же образомъ поступилъ съ его жителями. Затѣмъ пошелъ на третій, и на слѣдующій же день взялъ его съ перваго натиска. Подвизаясь описаннымъ образомъ съ одною пѣхотою, кавалерію свою послалъ онъ, между тѣмъ, къ двумъ другимъ возставшимъ, по сосѣдству съ первыми, городамъ, приказавъ озаботиться, чтобы она не допустила жителей этихъ городовъ—когда увѣдомятся они о гибели ихъ сосѣдей и что самъ Александръ идетъ на нихъ—предаться бѣгству и тѣмъ затруднить ему ихъ преслѣдованіе и наказаніе. Такъ и случилось, какъ онъ предполагалъ. Увидя дымъ ближайшаго къ нимъ изъ зажженныхъ городовъ, и услышавъ объ участи ихъ отъ немногихъ ускользнувшихъ отъ гибели, жители двухъ означенныхъ, невзятыхъ еще, городовъ бросились съ величайшею поспѣшностію, искать спасенія въ бѣгствѣ, и пятались на высланную противъ нихъ конницу, вслѣдствіе чего и были во множествѣ перебиты (IV, 2, 5—6).

Истребивъ въ двое сутокъ пять городовъ съ ихъ населеніемъ, направился Александръ къ Кирополю. „Высокія стѣны этого города, якобы самимъ Киромъ основаннаго, и множество стѣвшихъ подъ защиту ихъ самихъ воинственныхъ варваровъ страны, дѣлали невозможнымъ взять Кирополь съ перваго натиска“ — говоритъ Арріанъ (IV, 3, 1). „Вслѣдствіе этого Александръ рѣшилъ пробивать стѣны его машинами, и гдѣ будетъ сдѣлана брешь, идти туда на приступъ. Независимо отъ того, примѣтивъ, что ложе рѣки, протекающей черезъ городъ, высохло, отчего подъ стѣною, гдѣ оно пролегало, открывалась возможность прохода, онъ, взявъ съ собою тѣлохранителей, щитоносцевъ, стрѣлковъ и Агріанцевъ, вошелъ въ этотъ проходъ всего съ нѣсколькими войнами, незамѣтнымъ для осажденныхъ образомъ, такъ какъ все вниманіе ихъ устремлено было на ту сторону,

откуда действовали осадные машины. А когда вошел, то, разбив внутри ворота, которые находились съ этой стороны, впустилъ въ нихъ остальныхъ людей своего отряда. Увидѣвъ, что городъ ихъ взять, варвары тѣмъ не менѣе обратились противъ ворвавшихся съ Александромъ воиновъ, и вступили съ ними въ жестокой бой. Самъ Александръ получилъ тяжкій ударъ камнемъ въ голову и по шеѣ. Кратеръ и многіе другіе вожди поранены были стрѣлами. Между тѣмъ, осаждавшіе стѣну снаружи, овладѣли ею, такимъ образомъ уже лишенною защитниковъ. При занятіи города легло около 8,000 изъ осажденныхъ. Остальные—всего стѣвшихся въ Кирополь было 15,000—заперлись въ кремль, но черезъ сутки, страдая отъ жажды, должны были сдаться“ (IV, 3, 1—4).

Оставалось покончить съ послѣднимъ изъ семи возставшихъ городовъ. По Птоломею, онъ тотчасъ же сдался Александру; по Аристову, и этотъ городъ взять былъ силою, и всѣ захваченные въ немъ перебиты. Читаемъ это у Арріана (IV, 3, 5). У Кв. Курція идетъ рѣчь о взятіи всего трехъ возставшихъ городовъ (VII, 6, 25—26): одного—безымяннаго, соотвѣтствующаго Газѣ по Арріану; другаго—города Мемаценовъ, соотвѣтствующаго, повидимому, седьмому городу по счету Арріана; и третьяго—Киропола. Изъ трехъ этихъ городовъ Кв. Курцій распространяется только объ осадѣ втораго. „Мемацены (Memaeni) — сказываетъ онъ—кланъ (gens) весьма сильный, рѣшились не сдавать своего города. Александръ, чтобы ослабить ихъ упорство, послалъ къ нимъ 50 всадниковъ, которые бы растолковали возмущившимся, какъ милостивъ онъ къ поворающимся, и какъ неугодно жестоко къ побѣжденнымъ. Осажденные приняли прибывшихъ съ честью и угостили ихъ на славу, а когда тѣ опьянѣли и уснули, перебили спящихъ. Раздраженный такимъ коварствомъ, Александръ обложилъ немедленно городъ, но видя, что сразу его не взять, поручилъ вести осаду Мелеагру и Пердакеѣ, а самъ направился къ Кирополю (онъ не былъ еще взятъ), но овладѣніи которымъ вернулся помогать помянутымъ вождямъ своимъ. Никогда никакой городъ не выдерживалъ осады такъ мужественно какъ этотъ: самые смѣлые изъ осаждающихъ пали подъ его стѣнами, и самъ Александръ такъ тяжело раненъ былъ камнемъ въ голову, что упалъ безъ чувствъ: войско считало его уже погибшимъ (—видимъ, что Курцій относить къ осадѣ мемаценскаго города случай съ Александромъ, происшедшій, по Арріану, при взятіи Киропола —); но онъ, оцувствовавшись, не сталъ ожидать излеченія своей раны, а еще горячѣе повелъ осаду.

Стѣна, обрушенная подкопомъ, образовала широкую брешь, въ которую и устремились осаждающіе. Взятый городъ былъ разрушенъ“.— Арріанъ разказъ свой о подавленіи возстанія въ семи городахъ заключаетъ (IV, III, 5), со словъ Птоломея, извѣстіемъ, что взятые въ нихъ плѣнники были связаны и находились подъ стражею все время пока не ушелъ Александръ изъ этого края, съ тою цѣлію чтобы никто изъ принимавшихъ участіе въ возстаніи не могъ остаться въ краю, значить всѣ они осуждены были на ссылку, а куда это—неизвѣстно. Въ какой же части Согдіаны творились описанныя неистовства? Приступая къ разъясненію этого вопроса, надо имѣть въ виду два обстоятельства: 1) относительную близость другъ къ другу всѣхъ возставшихъ городовъ, и 2) что они большею частію были разрушены, такъ что съ теченіемъ времени могли изгладиться и самыя ихъ слѣды, а, вмѣсто нихъ, возникли новые города на другихъ мѣстахъ и съ другими именами, вслѣдствіе чего приуроченіе можетъ быть лишь приблизительное. Неизвѣстно даже, гдѣ находился важнѣйшій изъ этихъ городовъ, Кирополь (Кира, по Страбону Кирешата, по Птоломею Александрійскому). „При Яксартѣ“, „близъ Яксарта“ — еще ничего не опредѣляетъ. Затѣмъ изъ остальныхъ возставшихъ городовъ называетъ Арріанъ по имени только одинъ — Газу. Не сохранялось ли это имя за какою-либо мѣстностію по близости Сыра до нашего времени, или хотя до старыхъ арабскихъ географовъ, упоминающихъ имена множества городовъ въ Мавераннагрѣ, съ тѣхъ поръ исчезнувшихъ? Да, сохранилось: Истахри, Ибнь-Хаукаль, Муккадеси, всѣ трое упоминають о двухъ городахъ по имени Газакъ: одномъ—въ Шанской области, другомъ—въ Ушрусанѣ¹⁾. До перваго намъ дѣла нѣтъ, такъ какъ онъ находился на правомъ берегу Сыра. Второй весьма идетъ къ дѣлу, такъ какъ край, извѣстный подъ именемъ Ушрусаны простирался на западъ до Самаркандской области, на востокъ до Ферганы, на сѣверъ до Сыра²⁾, и города этой области лежали частію на пути Александра отъ Мараванды до Яксарта. Приурочена можетъ быть Газа Арріанова къ этому Газаку и потому, что послѣдній по Ибнь-Хаукалу³⁾ отстоялъ отъ Ходженда, на самомъ берегу Сыра, всего въ 6 фарсахъ пути (30

¹⁾ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, edidit M. J. de Goeje (Lugduni Batavorum, 1879—1879), I, 330; III, 264 в I, 325; II, 379 и III, 265.

²⁾ По Истахри и по Ибнь-Хаукалу, I, с. I, 325, II, 379.

³⁾ L, с. II, 404.

дебными Александру намерениями: вѣдь онъ завладѣлъ краемъ, платившимъ имъ дань; лишилъ ихъ доходовъ — причина, надѣмся, уважительная.

О скопленіи скинскихъ полчищъ на правомъ берегу Сыра узналъ Александръ, усмиряя ушрусанское возстаніе: „привалили-де Скины, прослышавъ о возстаніи туземцевъ на лѣвомъ берегу рѣки, съ тѣмъ чтобы, если возстаніе значительно, и самимъ имъ кинуться на Македонцевъ“. Въ то же время доведено было до свѣдѣнія его, что гарнизонъ, оставленный имъ въ Маракандѣ, осажденъ Спитаменомъ ¹⁾. Такимъ образомъ подавленное въ Ушрусанѣ, сбоку, возстаніе грозило теперь съ тыла, что было еще опаснѣе. А тутъ спереди Скины съ своею репутаціею народа, котораго никакой завоеватель покорить не могъ, въ борьбѣ съ которыми самъ Киръ погибъ. Страдая отъ полученной раны, не будучи въ состояніи, отъ слабости, ни стоять, ни сѣсть на коня ²⁾, Александръ, въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, показалъ себя истинно великимъ по непоколебимости духа. Противъ Спитамена послалъ онъ Андромаха, Менедема и Карана съ 60 человекъ конницы изъ союзниковъ и 80-ю изъ наемниковъ и 1,500 пѣхотинцами изъ наемниковъ (по Кв. Курцію 800 всадниковъ и 3,000 пѣхотинцевъ), поручивъ этотъ отрядъ въ распоряженіе ливійца Фарнуха, знакомаго съ языкомъ туземцевъ и казавшагося способнымъ ладить съ ними ³⁾; а самъ — привался приводить въ исполненіе намереніе свое выстроить Александрію за Яксартъ. Вернувшись изъ описанной экспедиціи, обвелъ онъ стѣною все пространство, которое занималъ его станъ при рѣкѣ — 60 стадій въ окружности, и заставлялъ войско свое работать съ такимъ усердіемъ, что въ 17 дней по возведеніи стѣны всѣ дома были уже подъ крышами. Населилъ онъ этотъ, не городъ, а скорѣе укрѣпленный лагерь, частію греческими наемниками своими, частію туземцами изъ окрестностей, которые сами пожелали поселиться тутъ, частію плѣнниками и плѣнницами своихъ воиновъ, выкупленными у нихъ, а отчасти и Македонцами, которые оказывались уже негодными къ войнѣ. Основаніе этой, новой, Александрии отпраздновано было торжественнымъ жертвоприношеніемъ, конскими скачками и гимнастическими играми ⁴⁾. Скины, между

¹⁾ Аррианъ, IV, 3, 6.

²⁾ Кв. Курцій, VII, 7, 38.

³⁾ Аррианъ, IV, 3, 7; Кв. Курцій, VII, 6, 27.

⁴⁾ Аррианъ, IV, 5, 1. Желаніе выстроить поскорѣе Александрію на Яксартѣ вызывалось, можно полагать, многими побужденіями, въ числѣ воиновъ персод

тѣмъ, не отходили отъ противоположнаго берега и, пользуясь узостию рѣки въ этомъ мѣстѣ, пускали стрѣлы въ Македонцевъ и вслѣдствіе ихъ задирали и похвалялись. Самый даже приходъ Скиновъ на Сыръ объясняетъ Кв. Курцій (VII, 7, 28) тѣмъ, что въ построеніи Александрии увидѣли они угрозу своей свободѣ, вслѣдствіе чего царь скинскій и послалъ брата своего Картаса, съ большимъ числомъ конниковъ, разрушить этотъ городъ и заставить Македонцевъ удалиться отъ рѣки. Такое поведеніе Скиновъ раздражало, наконецъ, Александра, онъ рѣшился сдѣлаться съ ними и показать міру, что побѣдить и непобѣдимыхъ, а при этомъ рассчитывалъ и на то, что слава о его побѣдѣ надъ Скинами подѣйствуетъ умирительно и на возставшихъ Согдійцевъ, свидѣтельствуя, что нѣтъ врага, котораго бы онъ не одолѣлъ, что всякое сопротивленіе ему бесполезно. Не смотря на рѣшимость помѣряться со Скинами, новость предпріятія водновала однако неустрашимаго Македонца, сомнѣніе невольно закрадывалось ему въ душу: онъ попробовалъ прибѣгнуть къ обычному Гречамъ, въ такихъ случаяхъ, гаданію. Походный предвѣщатель его, Аристандръ, гадалъ два раза на внутренностяхъ животныхъ, и два раза не обѣщали онѣ ничего хорошаго. Но непреклонный Александръ не подался и тутъ: велѣлъ для переправы черезъ рѣку конницы и фаланги изготовить плоты, а легко-вооруженныхъ переправить на турсукахъ, по сдѣланному уже на Овсѣ удачному опыту такой переправы ¹⁾. Въ три дня связано было 12,000 плотовъ. Это число у Кв. Курція (VII, 8, 32) явная описка, потому что если положимъ только по 6 кавалеристовъ или по 12 пѣхотинцевъ на каждый плотъ, считая что въ войскѣ его на семь пѣхотинцевъ приходилось по одному кавалеристу, то окажется, что вель онъ на Скиновъ болѣе 190,000 одной кавалеріи и тяжело-вооруженной пѣхоты; а это невозможно: такой массы войска не могъ бы онъ прокормить, вода ее

нѣсто занимала необходимость, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился далеко отъ всякихъ пособій, имѣть укрѣпленное убѣжище для своей арміи на случай еслибы она обложена была возставшими туземцами безъ возможности рабаить ихъ, и потому должна была ожидать долгое время прибытія новыхъ силъ изъ-за Окса, которые бы подкрѣпили ее и освободили. Да неблагоприятнымъ, быть можетъ, казалось Александру предпринять и задуманнныя имъ походы на Скиновъ черезъ Яксартъ, не обезпечивъ себя, на случай неудачи, укрѣпленнымъ лагеремъ на самомъ берегу рѣки, куда бы могло укрыться разстроенное и преслѣдуемое войско его.

¹⁾ Аррианъ, IV, 4, 2—3.

часто по бесплоднымъ пустырямъ Азін. Сверхъ того, какъ увидимъ сейчасъ, плоты были такнхъ размѣровъ, что на каждомъ должно было помѣщаться отъ 100 до 200 человекъ. Поэтому, вмѣсто 12,000, полагаю, надо читать только 120, или же 12,000 принимать за число не плотовъ, а отдѣльныхъ связокъ. Все было уже готово къ переправѣ, какъ, по словамъ Курція (VII, 8, 32—33), является къ Александру посольство отъ Скивовъ и произноситъ прекрасную, но длинную, предлинную рѣчь съ тою цѣлю, чтобы отвратить его отъ войны съ ними. Арріанъ ни словомъ не упоминаетъ о такомъ посольствѣ, и мы думаемъ, что какъ посольство, такъ и въ особенности прекрасная рѣчь, суть плодъ изобрѣтательности римскаго ритора, придумавшаго и посольство собственно для того, чтобы сочинить дѣйствительно великолѣпную рѣчь.

Какъ бы то ни было, весьма любопытны подробности, сообщаемыя обоими нашими историками о процессѣ переправы Александровой арміи черезъ Сыръ, высадки ея и боя со Скивами. На передней части плота помѣщены были щитоносцы, поставленные на одно колѣно для вящей безопасности отъ непріятельскихъ стрѣлъ; за ними располагались метательныя машины съ ихъ прислугою, обставленные съ боковъ и спереди (?) вооруженными воинами; третій рядъ составляли воины, щитами своими сплошь (testudine) прикрывавшіе гребцовъ въ латахъ. Таково же было размѣщеніе и на плотахъ съ конницею: лошади болѣею частію плыли сзади плотовъ, придерживаемыя всадниками за узду. Сзади же плотовъ, подъ ихъ прикрытіемъ, переправлялись и плывшіе на турсукахъ ¹⁾. Но прежде чѣмъ посадить войско на плоты, Александръ счелъ нужнымъ очистить противоположный берегъ отъ разбѣжавшихъ по оному Скивовъ. Это было достигнуто тучею стрѣлъ брошенныхъ черезъ рѣку изъ метательныхъ машинъ: Скивы отступили на небольшое разстояніе. Тогда войско, занявши плоты, поплыло при звукѣ трубъ, съ Александровымъ плотомъ впереди. Но при быстротѣ теченія рѣки трудно было сохранить предположенный порядокъ: плоты относило, воины качались, мѣшали гребцамъ, и заботясь лишь о томъ, чтобы не свалиться въ воду, не могли стрѣлять въ непріятеля, а непріятель, видя это, снова придвинулся къ берегу и осыпалъ ихъ градомъ стрѣлъ, такъ что у нападающихъ почти всѣ щиты были продырявлены. Но лишь только плоты стали причаливать, какъ щитоносцы, подняв-

¹⁾ Кв. Курцій, VIII, 9, 34.

шись разомъ на ноги, мѣтко пустили въ Скивовъ свои конья: испуганные кони послѣднихъ понеслись назадъ. Пользуясь этимъ переполохомъ у непріятеля, принялись высаживаться. Первыми спущены были стрѣлки и пращники, чтобы, поражая Скивовъ, удерживали ихъ отъ натиска на фалангу, покуда не высадится конница. Когда же все войско македонское перебралось на берегъ, Александръ первыми пустилъ въ атаку на Скивовъ полкъ конной гетеріи и четыре эскадрона (ἐταῖ) сарисоносцевъ ¹⁾. Скивы выдержали атаку и, сильныя числомъ, стали охватывать этотъ отрядъ. Тогда велѣлъ онъ ударить на нихъ стрѣлкамъ, Агріанцамъ и прочимъ легковооруженнымъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Балакра. Когда же эти схватились со Скивами, выпустилъ онъ на послѣднихъ три полка конной гетеріи и всѣхъ конныхъ копѣйщиковъ, а затѣмъ и самъ повелъ противъ непріятеля всю остальную свою конницу, раставивъ ее въ одну линію. Скивы обратились тогда въ бѣгство, теряя до тысячи человекъ убитыми, въ томъ числѣ одного изъ вождей, Сатрака, и 150 попавшими въ плѣнъ. Не довольствуясь этимъ пораженіемъ Скивовъ, Александръ пустился преслѣдовать бѣгущихъ, не смотря на стоявшій зной. Жажда одолевала его войско. Утоляли ее водою, какая въ тѣхъ мѣстахъ попадалась, крайне дурнаго качества. Испивъ этой воды, самъ Александръ подвергся такому сильному разстройству желудка, что пришлось прекратить преслѣдованіе, и онъ, еле-живой, отвезенъ былъ обратно въ лагерь. Такъ по Арріану (IV, 4, 4—9). Кв. Курцій (VII, 9, 34—35) сказываетъ, что Александръ преслѣдовалъ разбитыхъ Скивовъ на протяженіи 80 стадій, что при этомъ много ихъ было побито, еще болѣе взято въ плѣнъ, и захвачено 1,800 лошадей; потеря же Македонянъ ограничилась всего 60-ю всадниками и сотнею пѣхотинцевъ убитыми, да тысячею человекъ ранеными.

Въ какомъ пунктѣ переправлялся Александръ черезъ Сыръ? Конечно, близъ основанной имъ Александріи. Но гдѣ же именно находилась эта Александрія, отъ которой ни имени, ни слѣда не осталось? Въ настоящее время на лѣвомъ берегу Сыра существуютъ только городъ Ходжевалъ и западнѣе его селеніе Нау; но противъ нихъ на правомъ берегу не степь, а гористая мѣстность. Для нашего предмета мѣстоположеніе Александріи на Сырѣ не представляетъ важности: потому, оставивъ розыскъ о немъ, переходимъ отъ этого

¹⁾ Сарисса—копье до 16 футовъ длиною.

неразрѣшеннаго вопроса къ изложенію дальнѣйшихъ дѣйствій Александра въ Согдіанѣ.

Вскорѣ послѣ описаннаго пораженія Скивоовъ, явились отъ царя ихъ послы къ Александру съ извиненіями, что вступлено было въ бой съ нимъ не по рѣшенію всего скийскаго народа, а лишь со стороны дурныхъ людей, неправдой живущихъ; онъ же, царь, готовъ исполнить все, что повелѣно будетъ Александромъ. Этотъ привалъ посольство милостиво, потому, основательно замѣчаетъ Арріанъ (IV, 5, 1), что еслибы показать, что онъ не довѣряетъ правдивости принесеннаго извиненія, то честь его требовала бы новаго боя со Скивами, а это не соответствовало обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился. [По Курцію (VII, 9, 36), Александръ возвратилъ плѣнныхъ Скивоовъ даже безъ выкупа; но, замѣчательно, въ этомъ мѣстѣ Скивоовъ называетъ онъ уже не Скивами, а Саками. Выходитъ, что и дрался Александръ за Яксартомъ именно съ Саками, и что Саки, а не какой либо другой скийскаго народа, держали въ зависимости и города ушрусанскіе.]

Да, дѣйствительно, не до войны съ Саками было Александру. Еще до пораженія ихъ пришла вѣсть, что отрядъ, посланный на помощь къ Маравандѣ, погибъ. Разказываетъ объ этомъ Арріанъ (IV, 5, 2—9) такимъ образомъ: „Македонцы, осажденные Спитаменомъ въ Маравандскомъ кремлѣ, сдѣлавъ вылазку, успѣшно отразили нападавшихъ; а когда увѣдомился Спитамень, что къ осажденнымъ идетъ подмога, то отступилъ отъ Мараванды и сталъ уходить по направленію къ „столицѣ Согдіаны“. Фарнухъ вздумалъ его преслѣдовать, и увлекшись, забрался, вслѣдъ за нимъ, за предѣлы Согдіиской области въ земли кочевыхъ Скивоовъ. Здѣсь Спитамень, подерѣжившись шестьюстами скиискихъ всадниковъ, рѣшилъ дать отпоръ Македонцамъ, не атакуя ихъ и не давая имъ атаковать себя: пользуясь ровною и открытою мѣстностью, его всадники только обсаживали фалангу, поражая пѣхотниковъ стрѣлами; а когда Фарнухъ бросался на нихъ съ своею конницею, они тотчасъ же пускались въ уходы на своихъ быстрыхъ и свѣжихъ коняхъ, тогда-какъ конница Арристомахова со своими утомленными походомъ и слабыми отъ безкормизны лошадьми гнаться за ними была не въ силахъ. Вслѣдствіе такой тактики Скивоовъ, то нападавшихъ издали, то отступавшихъ, у Македонянъ оказывалось уже много раненыхъ и частію убитыхъ, почему, построившись квадратомъ, стали они отступать къ рѣкѣ Политимету, въ лѣсокъ, гдѣ менѣе могли вредить имъ скиискія стрѣлы

и успѣшнѣе могла дѣйствовать пѣхота. Карану, начальствовавшему однимъ военнымъ полкомъ, показалось при этомъ, что кавалерію безопаснѣе было бы помѣстить за рѣкою, и не посовѣтовавшись съ Арристомахомъ, сталъ онъ переправляться. Пѣхота не повяла этого движенія, и бросилась вслѣдъ за всадниками безъ приказанія. Произошла сумятица, усмотрѣвъ которую „варвары“, со всѣхъ сторонъ, тоже кинулись къ рѣкѣ и въ рѣку, одни наирая на переправляющихся, другіе загоняя въ воду оставшихся еще на берегу, третьи поражая стрѣлами съ боковъ и тѣхъ и другихъ. Обойденные такимъ образомъ и тѣснимые отовсюду, Македонцы укрылись было на небольшой островѣ посреди Политимета; но здѣсь Спитамень окружилъ ихъ своею и скиискою конницею, и перестрѣлялъ почти всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ, взятыхъ въ плѣнъ, которые, впрочемъ, тоже были затѣмъ убиты“. Нѣсколько иначе, по словамъ Арріана (IV, 6, 1—2), разказываетъ объ этомъ событіи Арривоуль, по которому спаслось бѣгствомъ отъ описаннаго пораженія только 40 конниковъ и 300 пѣхотниковъ изъ всего Фарнухова отряда. Иной разказъ о томъ же, сходный въ нѣкоторыхъ чертахъ съ Арривоуловымъ, встрѣчаемъ и у Кв. Курція (VII, 7, 31). Этотъ, не упоминая ни о Фарнухѣ, ни объ Андромахѣ, ни о Каранѣ, единственнымъ вождемъ отряда, посланнаго противъ Спитамена, называетъ Менедема. Увѣдомившись о его приближеніи, Спитамень, владѣвшій уже Маравандою — обстоятельство не представляющее прямого противорѣчія съ Арріановымъ разказомъ, такъ-какъ Македонцы могли еще держаться въ кремлѣ, когда городъ собственно занятъ уже былъ Спитаменомъ — оставилъ ее, съ цѣлю устроить Менедему, на пути его къ Маравандѣ, засаду въ лѣсу, черезъ который шла дорога; въ этомъ лѣсу и скрылъ онъ своихъ Даевъ, а когда проходилъ Менедемъ, выпустилъ ихъ на него со всѣхъ сторонъ. Пораженные неожиданностію и подавляемые многочисленностію Даевъ, Македонцы были разбиты на голову; только часть ихъ успѣла убраться на небольшое возвышеніе, гдѣ-то тутъ находившееся; но и этихъ Спитамень заставилъ сдаться голодомъ. Вся-же потеря Македонцевъ въ описанной битвѣ простиралась убитыми до 2,000 человекъ пѣхоты и 300 конниковъ.

Арріановъ разказъ объ этомъ истребленіи Македонцевъ, основанный, должно полагать, на запискахъ Птолемея Лаова, представляется намъ, по заключающимся въ немъ подробностямъ, гораздо вѣроятнѣйшимъ, нежели Кв. Курціевъ. Рѣка Политиметъ, на которой по этому разказу побиты были Македонцы, есть, вѣтъ всякаго сомнѣнія,

нижайший Зерафшанъ, протекающій всего въ 6 верстахъ сѣвернѣе Самарканда ¹⁾. Но что это за „столица Согдианы“, въ направленіи къ которой отступала Спитаменъ изъ Мараканды, когда эта самая Мараканда, по тому же Арріану, и была столицею страны Согдійцевъ? Значить, кромя Мараканды, былъ въ Согдианѣ еще другой большой городъ, тоже претендовавшій на титулъ столицы (*Baktria*). Объ этой, другой столицѣ Согдианы нигдѣ далѣе, ни у Арріана, ни у другихъ греческихъ и римскихъ писателей, не упоминается. Но гдѣтъ причинъ сомнѣваться, чтобы такой городъ не существовалъ дѣйствительно, въ Александрово время, ниже по теченію Зерафшана, какъ возникла тамъ позже Вухара. Судя по извѣстіямъ древнихъ арабскихъ историковъ о городѣ Бикендѣ, Бикендъ этотъ, въ Александрово время, и могъ считаться вторымъ столеннымъ городомъ Согдианы. Уходилъ Спитаменъ отъ Мараканды внизъ по Политимету къ предѣламъ Согдійской области съ кочевыми Скиоами. Предѣлы эти начинались, безъ сомнѣнія, на сѣверъ отъ долины Политимета. Уходилъ сюда Спитаменъ, по всей вѣроятности, съ умысломъ навлечь на себя преслѣдованіе со стороны Македонцевъ, и завлекши ихъ въ пересѣченную каналами мѣстность по берегамъ Политимета, воспользоваться незнакомствомъ ихъ съ этою мѣстностію, чтобы нанести имъ возможный вредъ, что, какъ видѣли мы, и удалось ему въ высшей степени, при помощи союзныхъ Скиоовъ. У Кв. Курціа, вмѣсто Скиоовъ, дѣйствуютъ Дая, тѣ самые Дая, должно быть, которые, какъ видѣли мы выше, ушли съ Бессомъ изъ Бактрианы ²⁾. Тактика, употребленная Спитаменомъ противъ Македонцевъ — тактика вполне сообразная со способомъ дѣйствій кочевниковъ: тактика эта болѣе всего убѣждаетъ насъ, что разказъ Арріана близокъ къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ событія. Лѣсами окаймленъ Зерафшанъ на всемъ среднемъ теченіи своемъ, почему откуда бы ни отступали Македонцы къ Политимету, прикрытіе это нашли бы они вездѣ на его берегахъ. Что же касается до

¹⁾ По *Костенку*: Туркестанскій край, I, 437.

²⁾ О Даяхъ, находившихся въ Бессовомъ войскѣ, Арріанъ — видѣли мы выше — говорить, что «пришли они къ нему съ береговъ Танаиса» (Смъръ-Дарва), слѣдовательно находеніе ихъ въ отрядѣ Спитамена подъ Маракандою весьма естественно. Но главнымъ гнздомъ Даявъ едва ли была берега Танаиса; не была нмъ, полагаемъ, и Маргіана, гдѣ показывается ихъ живущими Страбонъ (XI, 8, 2). По нашему мнѣнію, жили они преимущественно въ Бактрианѣ. Основываемся на томъ обстоятельстве, что китайскіе писатели не называютъ Бактриану иначе, какъ *Да-ла*, «островомъ Даявъ или Даховъ».

небольшаго острова посреди Политимета, куда думали они напрасно укрыться, то, судя по направленію, въ которомъ уходилъ Спитаменъ изъ Мараканды, весьма возможно, что „небольшой островъ“ этотъ есть восточная часть знаменитаго Мянъкала — пространства между двумя рукавами Зерафшана, шириною отъ 15 до 18 верстъ ¹⁾.

Понятно, что Александръ не могъ оставить безъ возмездія гибели Фарнухова или Менедемова отряда. Немедленно по полученіи извѣстія о томъ, онъ съ легкими войсками (половиною союзной конницы, всѣми Агріянцами, стрѣлками, цитиносцами и наиболѣе подвижною частію фаланги) выступилъ немедленно къ Маракандѣ, гдѣ Спитаменъ опять осаждалъ македонскій гарнизонъ. Кратеру съ остальнымъ войскомъ приказавъ слѣдовать за собою небольшими переходами, самъ онъ, въ трое сутокъ сдѣлавъ 1500 стадій, на зарѣ четвертаго дня стоялъ уже подъ Маракандою. Спитаменъ, извѣстившись объ этомъ движеніи, спялъ немедленно осаду и пустился съ небольшими силами своими на уходъ. Александръ горячо преслѣдовалъ бѣглецовъ, и когда прибылъ къ мѣсту гибели Фарнухова отряда, похоронилъ наскоро тѣла убитыхъ воиновъ своихъ, а затѣмъ продолжалъ гнаться за бѣглецами до самой пустыни ²⁾, то-есть до тѣхъ мѣстъ, гдѣ долина Политимета окаймляется съ сѣвера горами и песчаными степями. И такъ Спитаменъ ускользнулъ изъ его рукъ, а надо же было отомстить на комъ нибудь истребленіе македонскаго отряда, и Александръ отомстилъ эту катастрофу на мѣстномъ населеніи, онустроивъ его поля, уничтоживъ жилища и перебивъ всѣхъ, кто думалъ укрыться отъ его мести въ укрѣпленныхъ мѣстахъ ³⁾. По Кв. Курцію (VII, 9, 36) велѣлъ онъ предавать смерти всѣхъ взрослыхъ. Такому повальному вѣщенію не подвергалось населеніе благодатной долины Зерафшана

¹⁾ *Костенку*, I, с. I, 225. По Кв. Курцію, Спитаменъ, съ приближеніемъ Александра къ Маракандѣ, бѣжалъ въ *Бактру* (VII, 9, 36). Такъ-какъ, въ настоящемъ случаѣ, подъ этимъ именемъ никоимъ образомъ нельзя понимать Бактру, столицу Бактрианы, то комментаторы Курціа толкуютъ, что тутъ идетъ у него рѣчь о другой Бактрѣ, именно той, которая у географа Птолемея является, подъ именемъ *Трибактры*, тоже, по видимому, на Политиметѣ. Такимъ образомъ, Трибактра Птолемея будетъ тождественна со второю «столицей Согдійцевъ» по Арріану, и слѣдовательно, совпадать съ *Бикендомъ* Арабовъ, какъ предположено выше. Подробное рассмотрѣніе этого вопроса см. у *Мюлцеля* въ изданіи Кв. Курціа (Berlin, 1841), стр. 702—704.

²⁾ Арріанъ, IV, 6, 3—5.

³⁾ Тамъ же.

никогда, ни до, ни послѣ Александрова времени. Это былъ знаменитый образчикъ европейской справедливости и европейской гуманности въ приложеніи къ „варварамъ“ Азіатцамъ. Избито было всего, по греческому счету, болѣе 120,000 народа, какъ узнаемъ о томъ изъ сохранившагося оглавленія потеряннхъ частей XVII-й книги Діодоровой „Библиотеки“¹⁾.

О дальнѣйшихъ въ теченіе 329 года дѣйствіяхъ въ Согдіанѣ великаго не только по талантамъ, но и по варварству героя Македонинъ извѣстно то единственно, что онъ прошелъ по всему теченію Политимета до тѣхъ мѣстъ, гдѣ воды этой рѣки теряются въ пескахъ²⁾ — значить, поработилъ всю среднюю и западную части Согдійской Долины. Какіе на этомъ пути встрѣчались города, какъ онъ ихъ бралъ, какъ относилось къ нему мѣстное населеніе, обо всемъ этомъ дошедшіе до насъ историки Александра не сочли нужнымъ упомянуть. Наступала глубокая осень, пора была на отдыхъ послѣ столькихъ подвиговъ въ Ушрусанѣ и Міанкалѣ, и Александръ, оставивъ въ Согдіанѣ Певзолая съ 3000 пѣхоты — больше не требовалось, замѣчаетъ Кв. Курцій, чтобы держать страну въ покорности — отправляется зимовать въ Бактру³⁾, а по Арріану⁴⁾ — въ Заріаспу.

Въ Заріаспѣ, по Арріану (IV, 7, 1—5), зимою 329—328 года явились къ Александру сатрапъ надъ Паремами Фратафернъ и Стасасаноръ, посланный въ Арію схватить возмущившагося сатрана ея Арсамена (это было уже третье возстаніе въ Аріи): виновный былъ привезенъ ими, равно какъ Барзанъ, котораго Бессъ назначилъ сатрапомъ въ Парейю, и нѣкоторые другіе изъ соумышленниковъ Бессовыхъ. Въ то же время прибыли Эпокиллъ, Меламнидъ и вождь Фракійцевъ Птоломей, сопровождавшіе Менета, съ деньгами отправленнаго на родину и отпущенныхъ греческихъ союзниковъ. Прибыли, равнымъ образомъ, и Асандръ съ Непархомъ, веда новыи контингентъ греческихъ наемниковъ. Со свѣжими войсками явились также Бессъ, сатрапъ Сирійскій и эпархъ Асклепідоръ. Собравъ всѣхъ этихъ и другихъ бывшихъ въ Заріаспѣ лицъ, Александръ въ собраніе это велѣлъ привести (содержавшагося подъ стражею) Бесса, и за вѣроломство его по отношенію къ Дарію приказалъ отрѣзать ему носъ и уши, и въ

такимъ обезображенномъ видѣ отослать его въ Экбатану, для казни въ присутствіи Мидянъ и Персовъ“. За этимъ идетъ у Арріана рѣчь объ убійствѣ Александромъ Клита (причемъ самъ Арріанъ замѣчаетъ, что это случилось нѣсколько позже) и о нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ, касающихся Александра; послѣ чего онъ снова переходитъ къ развазу о политическихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Заріаспѣ, а именно (IV, 15, 1—6), что вновь прибыло туда посольство отъ европейскихъ Скивовъ, вмѣстѣ съ тѣми лицами, которыя посланы были въ Скивію съ первымъ оттуда посольствомъ (см. выше). Поводомъ къ новому посольству было то, что скиескій государь, отправившій прежде, умеръ и царство досталось его брату. Сущность посольства отъ этого новаго государя заключалась въ томъ, что онъ готовъ исполнить все, что повелѣно будетъ Александромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ представлены были богатые по-скиескому дары и сдѣлано предложеніе не угодно ли будетъ Александру, въ скрѣпленіе дружбы и союза, жениться на дочери скиескаго государя, а не то, такъ переженить Александровыхъ близнхъ людей на дочеряхъ знатнѣйшихъ сановниковъ и князей скиескихъ. Почти въ одно время со скиескимъ посольствомъ пріѣзжалъ къ Александру, въ сопровожденіи 1500 всадниковъ, и Фарасманъ, царь Хоразміицевъ, съ предложеніемъ служить проводникомъ и доставить все необходимое войску, если Александръ вздумаетъ идти войною на сосѣдей его Фарасмана, Колховъ и Амавонокъ, и подчинить власти своей народы около Понта Евксинскаго. Отъ скиескихъ предложеній Александръ уклонился, обласкавъ пословъ Фарасмана-же принялъ въ союзъ и дружбу, и поручилъ его особому расположенію Артабаза, возведеннаго въ сатрапа Бактріаны и сосѣднихъ съ нею областей. Засимъ рѣшенъ былъ второй походъ въ Согдіану, и Александръ направился обратно къ Оксу.

Ни о какомъ другомъ походѣ изъ Заріаспы зимою 329 года или весною 328, нѣтъ у Арріана ни полслова.

Тѣ же самыя событія, которыя, по Арріану, имѣли мѣсто въ Заріаспѣ, происходили, по Кв. Курцію (VII, 10, 38) въ Бактрахъ, а именно: отправка Бесса въ Экбатану и прибытіе подкрѣпленій: Птоломей и Менида привели 3000 пѣхоты и 1000 конниковъ наемнаго войска; съ такимъ же числомъ пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ явился Александръ изъ Ликии; столько же прибыло съ Асклепідоромъ изъ Сиріи, и, наконецъ, Антипатръ прислалъ 8000 Грековъ, въ томъ числѣ 500 конниковъ. Но пріѣздъ скиескаго посольства и пословъ отъ Фарасмана (а не его самого лично), равно какъ и убійствѣ Клита, отно-

¹⁾ Diodori Siculi Bibliotheca Historica въ изданіи Дидорфа и К. Мюллера, (Parisii, 1844), II, 132.

²⁾ Арріанъ, IV, 6, 5.

³⁾ Кв. Курцій, VII, 10, 38.

⁴⁾ Арріанъ, IV, 7, 1.

ситъ Кв. Курцій (VIII, 1, 2—6) къ позднѣйшему времени, ко времени пребыванія Александра въ Маракандѣ лѣтомъ 328 года. За то ко времени пребыванія въ Бактрѣ относятъ онъ (VII, 10, 38) еще какую-то экспедицію для усмиренія мятежниковъ (въ какихъ мѣстахъ, неизвѣстно), вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о движеніи Александра въ Оксу, о переправѣ его черезъ рѣки Оксъ и Оксъ, прибытіи въ городъ Маргину и основаніи въ окрестностяхъ ея, для обузданія мѣстнаго населенія, шести другихъ городовъ, все на возвышенностяхъ: двухъ — на югъ отъ Маргини, и четырехъ — на востокъ, въ столь близкомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы, въ случаѣ надобности, могли оказывать взаимную помощь.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, два-ли различные города Бактры и Заріаспа или это одинъ и тотъ же городъ съ двумя именами — вопросъ этотъ разрѣшится далѣе самъ собою — спрашиваемъ: можно ли отвергать дѣйствительность похода въ Маргиану, о которомъ читаемъ у Курція, на томъ только основаніи, что о немъ не упоминается у Арріана? Полагаемъ, что нѣтъ, такъ какъ у Арріана встрѣчаются въ описаніи походовъ Александра и другіе, необъяснимые пропуски¹⁾. Не могъ-же выдумать Кв. Курцій дѣла похода безъ всякаго къ тому видимаго повода. И потомъ — походъ въ Маргиану былъ для Александра необходимостью: нельзя было ему оставить непокоренною страну по скатамъ Паропамизскихъ высотъ къ Оксу, страну, завоеваніемъ которой новыя его пріобрѣтенія въ Закавказьи связывались съ прежде покоренными областями, Гирканіей, Аріей, Аррахосіей. Ни изъ Арріана, ни изъ другихъ историковъ Александра мы не видимъ, чтобы онъ когда-либо позже заходилъ въ Маргиану или посылалъ покорить ее кого-либо изъ своихъ военачальниковъ; область эта, между тѣмъ, входила въ составъ его царства, стало-быть была когда-нибудь завоевана, а если такъ, то могло это произойти только во время указываемое Курціемъ.

Войдемъ въ разъясненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ этого похода въ Маргиану. Городъ Маргинія есть явно столица Маргианы Мервь. Рѣка Охъ можетъ быть признана въ нынѣшнемъ Мюргабѣ²⁾.

¹⁾ По той, весьма вѣроятно, причинѣ, что источники Арріановы, Птоломай и Аристовуль, участвовали не во всѣхъ походахъ Александра, и вносили въ записки свои только тѣ, въ которыхъ были лично.

²⁾ По Птоломею Александрійскому Охъ впадаетъ въ Оксъ, и называется

Шесть городовъ, или укрѣпленій, основанныхъ на югъ и на востокъ отъ Маргини, возведены были, приходится думать, не очень близко другъ къ другу: иначе возведеніе ихъ не имѣло-бы смысла. Тѣ, которые построены были на востокъ отъ Маргини, имѣли цѣлю содержать въ повиновеніи горное населеніе Паропамиса и жителей узкой обитаемой полосы у сѣверныхъ скатовъ Паропамиса къ равнинѣ Окса, находились, потому, вѣроятно, тамъ гдѣ видимъ нынѣ Андху, Мейменѣ, Шебурганъ и Серипуль. Одно изъ укрѣпленій на югъ отъ Маргини соответствовало, по всей видимости, нынѣшнему Серраксу, другое могло быть возведено тамъ, гдѣ нынѣ Меручакъ. При расположеніи укрѣпленій въ означенныхъ пунктахъ, гарнизоны ихъ, дѣйствительно, могли приходить на помощь другъ другу въ случаѣ мѣстныхъ возстаній.

Но откуда же, изъ какого пункта предпринять былъ походъ въ Маргиану — изъ Бактры или изъ Заріаспы, если это не одинъ и тотъ же городъ съ двумя именами? Предположивъ, согласно съ Курціемъ, что изъ Бактры, прежде всего приходится спросить: какою-же дорогою, къ зимѣ 329 года, шелъ Александръ въ Бактры съ низовья Политимета (Зерафшана), гдѣ окончились военныя дѣйствія его въ Согдианѣ осенью 329 года? Опять черезъ опустошенную долину Политимета, черезъ нынѣшнія Бухару и Карши на Келифъ? Но Александръ не любилъ возвращаться, безъ особой надобности, на попріща своего варварства. Или береговою, по Оксу, дорогою отъ Чарджуйской переправы до Келифской? Но слѣдуя этою дорогою по бесплоднымъ, скудно населеннымъ мѣстамъ, ему некого было тамъ покорять, не было, потому, никакого смысла идти этою дорогою, не имѣющею никакого значенія, когда надо было дорожить временемъ для совершенія новыхъ пріобрѣтеній, необходимыхъ въ стратегическомъ отношеніи. Разъ походъ въ Маргиану былъ уже замышленъ, что могло заставить Александра возвращаться въ Бактры съ низовья Политимета, а изъ Бактры идти на Мервь, и дѣлать такимъ образомъ напрасно тысячу верстъ, когда съ Каракуля (въ самомъ низовьи Зерафшана) идутъ и шли, черезъ Чарджуй, нѣсколько дорогъ прямо на Мервь, длиною менѣе 400 верстъ. Не естественнѣ-ли было Александру отправиться на зимовку съ Политимета прямо въ Мервь,

Охомъ рѣка, соответствующая нынѣшней рѣкѣ Самалак'у, питающей водами своими Мейменѣ и Андху, и далеко не добгающей до Аму-Дарьи.

или прозимовать въ другомъ мѣстѣ, откуда весною было-бы ему недалеко до Мерва? Сюда и подкрѣпленіямъ, направлявшимся къ нему изъ Греціи, Малой Азіи и Сиріи, было ближе, чѣмъ къ Бактрамъ, не говоря уже о томъ, что до этого—последняго пункта должны бы они были пробираться изъ Парѣи и Аріи или Гиркании черезъ трущобы Паропамиса, еще не подчинившіяся Александровой власти, ибо немислимо, чтобы въ Бактры двигались они путемъ завоеваній Александра, то-есть черезъ Дрангіану, Аррахосію и Кавказъ (Гиндукушъ). Да и скинскому посольству подручье было явиться къ Александру въ нивовѣ Окса, нежели въ Бактрахъ, а Фарасману Хоразмійскому и подавно. Не должно забывать также, что слѣдовало Александру заглянуть и въ Хоразмію, чтобы, наведя страхъ на Хоразмійцевъ, отвлечь ихъ отъ союза съ возставшими Согдійцами, такъ какъ изъ Страбона (XI, 9, 8) знаемъ, что Спитаменъ, преслѣдуемый Александромъ въ Согдіанѣ, укрылся отъ него въ Хоразмійцамъ. Вступленіе Александра въ предѣлы Хоразміи, или зимованье его по близости къ этой странѣ, и было, можно полагать, причиною, вызвавшею Фарасмана на явку съ изъявленіемъ поворности.

Изложенныя соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что зиму 329—328 года проводилъ Александръ не въ Бактрахъ, а въ другомъ городѣ, именно въ Заріаспѣ. Что-же касается до мѣстоположенія Заріаспы, то ближе всего было бы видѣть ее въ Бикендѣ Арабовъ, а если Александръ проникъ и въ Хоразмію, то — въ древнемъ городѣ Хоразмійскаго оазиса, Гезараспѣ, имя котораго и звуками своими напоминаетъ Заріаспу¹⁾.

¹⁾ Изъ древнихъ, Бактры отдѣльнымъ отъ Заріаспы городомъ считалъ Птоломей; отождествляютъ ихъ Страбонъ и Плиній. А. Борись приурочивалъ Заріаспу къ Шегрисебзу, Дройзенъ—къ Анку (Anko). Наше приуроченіе Заріаспы къ Гезараспу сдѣлано было еще Байеромъ (Historia regni Graecorum Bactrian, p. 18). Имя Гезараспъ лежитъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарья; но Александру, чтобы достигнуть Гезараспа, не нужно было переправляться съ праваго берега этой рѣки на лѣвый: въ Александрово время Гезараспъ могъ лежать на правамъ берегу Аму, какъ лежали тамъ многіе другіе города, погибшіе вслѣдствіе постоянного стремленія Аму забирать вправо, и вслѣдствіе того поднимать правый свой берегъ и примывать къ лѣвому. Угрожаемые гибелью своего города на правамъ берегу рѣки, жители Гезараспа могли переселиться на лѣвый и новооснованное, имя тамъ поселеніе назвать именемъ родины—Гезараспомъ. Такъ, по Альбируни, поступили въ VII вѣкѣ жители столичнаго Хорезмскаго города Филъа, когда рѣка разлила этотъ городъ, находившійся на правамъ берегу Аму. Городъ по

Такимъ образомъ, по нашимъ соображеніямъ, которыя, надѣемся, не грѣшатъ отсутствіемъ основательности, зима 329—328 года проведена была Александромъ въ Бикендѣ или Гезараспѣ, куда прѣзжали къ нему и скинское посольство, и Фарасманъ, куда привели ему своихъ солдатъ и Птоломей съ Менедомъ, и Александръ, и Асклепидоръ, куда пришли и войска, посланныя Антипатромъ. Усиленный этою подмогою въ 19 000 человекъ, раннею весною 328 года предпринялъ Александръ походъ въ Маргіану, которая, повидимому, не представила ему сопротивленія, и, возведя два укрѣпленія на югъ отъ Мерва, отправился затѣмъ на востокъ, въ Бактры, и, по пути, основалъ четыре остальныхъ. Въ Бактрахъ расправился, какъ сказано, съ Бессомъ, и, сдѣлавъ оттуда поискъ на бактрійскихъ повстанцевъ, для окончательной съ ними расправы и содержанія страны въ покое, оставилъ тамъ Полисперхонта, Аттала, Горгію и Мелеагра съ ихъ фалангами, а самъ съ остальными войсками отправился снова въ Согдіану¹⁾, куда и мы сейчасъ за нимъ послѣдуемъ.

Но, предварительно, предстоитъ разъяснить что надо думать о „Петрѣ Аримазовой“. Вслѣдъ за разказомъ о походѣ въ Маргіану, Кв. Курцій (VII, 11, 39), замѣтивъ что et cetera quidem pascevat geh, переходитъ къ повѣствованію объ удивительной горѣ (petra), на которой Согдіецъ Аримазъ заѣлъ съ 30,000-мъ войскомъ и съѣстными припасами на два года. Гору эту описываетъ Курцій высотой въ 30, окружностію въ 150 стадій, отвѣсною со всѣхъ сторонъ и доступною для восхода лишь по узенькой тропинкѣ, причѣмъ на срединѣ ея высоты находится пещера съ узкимъ и темнымъ входомъ, но постепенно расширяющаяся и въ глубинѣ своей заключающая высокіе закоулки. Пещера эта повсюду источаетъ ручьи, соединенныя воды которыхъ образуютъ рѣку, сбѣгающую по скатамъ горы. Подробностей длиннаго разказа Курціева о томъ, какъ взята была Александромъ эта неприступная гора 300-ми „крылатыми“ воинами, повторять мы не будемъ; достаточно привести заключеніе (VII, XI, 42):

имени *Кста*, лежащій теперь на лѣвомъ берегу, долженъ былъ находиться прежде, по историческимъ извѣстіямъ, подъ тѣмъ же самымъ именемъ, на правамъ *См. П. Лерха: Khiva, seine historischen und geographischen Verhältnisse (St.-Petersburg, 1873). S. 21—22.* Что касается до приуроченія Заріаспы къ Бикендѣ, то оно предположено, тоже весьма основательно, *Менномъ*, въ его *Meletanata* (p. 87).

¹⁾ Аррианъ, IV, 16, 1.

когда Аримазъ, съ родственниками своими и благороднѣйшими изъ народа, спустился изъ пещеры въ Александру, этотъ велѣлъ сначала всѣхъ ихъ высѣчь, а потомъ распять на крестахъ у самой подошвы горы. Остальное взятое въ плѣнъ население ея было, вмѣстѣ со всѣмъ его имуществомъ, подарено побѣдителемъ жителямъ новооснованныхъ имъ (въ Маргіанѣ) городовъ, а гора съ окрестною страню поручена вѣдѣнію Артабаза.

Изъ того обстоятельства, что население Аримазовой Петры роздано было въ рабство жителямъ только-что основанныхъ въ Маргіанѣ городовъ, можно заключать съ вѣроятностію, что и „Петру Аримазову“, хотя самъ Аримазъ и названъ Согдійцемъ, должно искать тоже въ Маргіанѣ, куда Согдіецъ Аримазъ могъ бѣжать съ сообщниками своими изъ долины Политимета, когда Александръ вырѣзывалъ ея жителей. Конечно, такой чудной горы, какою описываетъ Курцій Аримазову Петру, нѣтъ и не было въ дѣйствительности, но могло быть нѣчто похожее, и, въ этомъ качествѣ, всего болѣе подходитъ къ его описанію, какъ полагаетъ Томашекъ, мѣстоположеніе нынѣшняго Келати-Надири въ 60 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Мешгеда¹⁾, или, какъ думаетъ Мютцель—мѣстоположеніе средневѣковаго Талекана между Мервомъ и Балхомъ²⁾.

Новый походъ въ Согдіану оказывался необходимымъ вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, что „многіе изъ Согдійцевъ укрѣпились въ крѣпкія мѣста, отказываясь повиноваться поставленному надъ ними сатрапу“ (Арріанъ, IV, 15, 7). Значитъ, варварское въ предшествовавшемъ году усмиреніе возстанія въ Ушрусанѣ и Міанкалѣ, сколь ни жестоко оно было, не достигло цѣли: какъ только Александръ ушелъ за Оксъ, Согдійцы, оставшіеся въ живыхъ, снова возмущались противъ наложеннаго на нихъ ига, еще разъ свидѣтельствуя тѣмъ, что они не малодушные Персы. Возстаніе охватило повидимому всю страну, нигдѣ особенно не сосредоточиваясь, вслѣдствіе чего приходилось укрощать его отдѣльными отрядами одновременно въ разныхъ ча-

¹⁾ Краткое описаніе Келата, куда знаменитый Надиръ-шахъ пряталъ всѣ пріобрѣтшіеся имъ сокровища, какъ въ неприступную твердыню, можно видѣть у *Бларамберта*, въ его «Статистическомъ Обзорѣніи Персіи» (СПб. 1853), стр. 298—299.

²⁾ *Томашекъ*, въ его *Sogdiana*, p. 33; *Мютцель*, въ его изданіи *Кв. Курція*, p. 711—712. Какая мѣстность соответствуетъ нынѣ Талекану средневѣковой географіи, съ его крѣпостію на горѣ *Нусретъ-Кузъ*, указать мы не можемъ.

стяхъ края. Такъ, по крайней мѣрѣ, призналъ за лучшее Александръ, вслѣдствіе чего и раздѣлилъ войска, съ которыми вступилъ въ Согдіану, повидимому изъ Бактръ, на пять частей: одну далъ Эфестіону, другую Птоломею, третью Пердиккѣ, четвертую Койну и Артабазу, съ тѣмъ чтобы военачальники эти, дѣйствуя въ томъ или другомъ направленіи, какъ кому удобнѣе, истребили запершихся въ крѣпостяхъ, шадя тѣхъ, которые покорятся добровольно. Самъ Александръ съ пятымъ отрядомъ, повидимому въ качествѣ резерва, пошелъ къ Маракандѣ, которая назначена была главною квартирою, куда должны были прибыть, по исполненіи возложеннаго на нихъ, и всѣ остальные четыре отряда¹⁾. Какимъ на этотъ разъ путемъ двигался Александръ къ Маракандѣ, не знаемъ, какъ не знаемъ ничего и о томъ, въ какихъ частяхъ Согдіаны дѣйствовали прочіе отряды. Извѣстно то единственно, что черезъ нѣсколько времени всѣ эти отряды соединились въ Маракандѣ, достигнувъ цѣли имъ указанной въ болѣе части Согдіаны²⁾. Тогда Александръ поручилъ Эфестіону „колонизировать согдійскіе города“, Койна съ Артабазомъ послалъ противъ Скивовъ, у которыхъ, по слухамъ, укрывался Спитаменъ, а самъ занялся обращеніемъ къ покорности остальныхъ частей Согдіаны, гдѣ держалось еще возстаніе³⁾.

Что касается до порученія даннаго Эфестіону, оно не совсѣмъ для насъ ясно: долженъ ли былъ онъ населить вновь жителями изъ туземцевъ разоренные и опустошенные, при усмиреніи возстанія, города края, собравъ въ нихъ разогнанное и разбѣжавшееся народонаселеніе; или предстояло ему дать пріютъ этому народонаселенію, основавъ новые города, гдѣ бы туземцы перемѣшаны были съ колонистами изъ Грековъ и Македонцевъ, разумѣется, негодныхъ болѣе къ военной службѣ, какихъ не мало должно было набраться въ войскахъ Александра⁴⁾. Послѣднее представляется намъ вѣроятнѣйшимъ. — Подъ именемъ Скивовъ, у которыхъ укрывался Спитаменъ, стараясь возбудить ихъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ нахлынушаго на страну завоевателя, должно разумѣть въ настоящемъ случаѣ не Скивовъ собственно, а кочевниковъ, обитавшихъ по сѣ-

¹⁾ Арріанъ, IV, 16, 2.

²⁾ Арріанъ, IV, 16, 3.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Перваго мнѣнія держится *Дройзенъ* (I. c. S. 250), послѣдняго—*Геррибергъ* (I. c. II, 152).

вернымъ окраинамъ Согдіаны, преимущественно же Массагетовъ и Даевъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго изложенія Арріанова. Подъ повстанцами, усмиреніе которыхъ взялъ Александръ на свою долю, можно разумѣть туземцевъ не только въ тѣхъ частяхъ Согдіаны, куда приходили уже Македонцы, а и въ тѣхъ пространствахъ, куда еще не проникало ихъ оружіе. По теоріи самого Александра, усвоенной и его историками, должно было покориться ему, еще издали, население всякаго края, куда онъ являлся въ качествѣ законнаго преемника Даріева. Не выходило оно ему на встрѣчу съ поздравленіями, не присылало депутатовъ съ изъявленіемъ покорности, не подчинялось его приказаніямъ, значить бунтовало, мятежничало. Такихъ мятежниковъ, никогда его дотолѣ у себя не видавшихъ, образумливалъ Александръ, въ настоящемъ случаѣ, повидимому въ ближайшихъ окрестностяхъ Мараканды, можетъ быть въ верховьяхъ Зерафшана, около озера доселѣ носящаго его имя (Искендеръ-Куль), въ Ургутѣ, въ Шегрисебзѣ. Произвести ихъ усмиреніе удалось ему, замѣчаетъ Арріанъ (IV, 16, 3), безъ большого труда. Вообще укрощенію возстанія въ частяхъ Согдіаны, завоеванныхъ въ продолженіе предшествовавшаго года, много способствовала, конечно, умная, хотя и безнравственная мѣра, о которой упоминается у Кв. Курція (VIII, 1, 1): покорившимся безъ сопротивленія раздаваемы были въ собственность города и земли упорствовавшихъ въ возстаніи.

Не бездѣйствовали, между тѣмъ, и неунынавшій, неутомимый Спитаменъ. Пока Койнъ съ Артабазомъ сторожили жгученіе его на сѣверныхъ окраинахъ Согдіаны, онъ съ 600 массагетскихъ всадниковъ сдѣлалъ набѣгъ — на Бактріану, говоритъ Арріанъ (IV, 16, 4—7). „Накинувшись тамъ внезапно на одно укрѣпленіе, гарнизонъ его (вѣроятно ничтожный, десятокъ въ два человѣка) онъ вырѣзалъ, а комендантъ взялъ въ плѣнъ, и ободренный этимъ небольшимъ успѣхомъ, черезъ нѣсколько дней подступилъ къ Заріаспѣ и ограбилъ ея окрестности. Тамъ находилось въ это время нѣсколько всадниковъ изъ гетеріи, оставленныхъ по причинѣ ихъ болѣзненности, а съ ними Писонъ Сосигонъ, смотритель за царскою челядью, да гусляръ Аристонякъ. Эти, узнавъ о набѣгѣ Скивовъ (sic), сѣли на коней, такъ какъ уже выздоровѣли, и вмѣстѣ съ 80-ю наемными конниками, стоявшими въ Заріаспѣ гарнизономъ, да нѣсколькими молодцами изъ царской прислуги, пустились вслѣдъ за Массагетами (sic), и неожиданно напавъ на нихъ, всю захваченную ими добычу отбили, и многихъ изъ грабителей положили на мѣстѣ. Но, возвращаясь изъ

этой удачной погони въ разбродъ и безъ порядка, подверглись, въ свою очередь, внезапному нападению со стороны вернувшихся со Скивами (sic) Спитамена, при чемъ пало семеро изъ гетеристовъ и 60 изъ наемниковъ, равно какъ и храбрый гусляръ, а Писонъ, раненный, попалъ въ плѣнъ“.

Что Арріанъ, въ приведенномъ разказѣ, помѣщаетъ Заріаспу повидимому въ Бактріанѣ, нисколько не доказываетъ тождества этого города съ Бактрами. Греческій историкъ нашъ нигдѣ не упоминаетъ о Маргіанѣ; область эта была для него частью Бактріаны: слѣдовательно и событіе, явившее мѣсто въ Маргіанѣ, какъ мы думаемъ, происходило для него въ бактрійскихъ предѣлахъ.

Объ этомъ ли самомъ набѣгѣ Спитамена, или о другомъ сходномъ происшествіи читаемъ и у Кв. Курція. По его разказу (VIII, 1, 1), бактрійскіе изгнанники (то-есть бактрійскіе повстанцы, вынужденные покинуть родину), соединясь съ 800 массагетскихъ всадниковъ, стали разбойничать въ „ближайшихъ селеніяхъ“ (къ чему „ближайшихъ“?). Противъ этой шайки мѣстный (гдѣ?) начальникъ Аттина выступилъ съ 300 своихъ конниковъ, а шайка, увлекши его въ засаду, вырѣвала весь этотъ отрядъ вмѣстѣ съ его начальникомъ.

Увѣдомленный объ этихъ происшествіяхъ въ области подлежащей его военной юрисдикціи, военачальникъ Кратеръ бросился за Массагетами со всею своею кавалеріею, они-же пустились на утекъ къ степлямъ; онъ, однако, успѣлъ настичъ ихъ въ числѣ болѣе тысячи человекъ; завязалась схватка, въ которой верхъ остался за Македонцами. Массагетовъ пало въ этой схваткѣ 150 человекъ, остальные успѣли уйти въ степь, куда преслѣдовать ихъ не представлялось возможнымъ. Такъ по Арріану (IV, 17, 1—2). По Кв. Курцію (l. c.), всѣ Массагеты спаслись бѣгствомъ, а Кратеръ настигъ только бѣжавшихъ съ ними 1.000 Даевъ, которымъ и нанесъ поражение, чѣмъ окончательно умирилъ край (то-есть, Бактріану въ обширномъ смыслѣ, край по лѣвому побережью Окса).

Изъ экспедиціи своей для укрощенія Согдійцевъ возвратился Александръ опять въ Мараканду. Ко времени этого, вторичнаго въ 328 году, пребыванія его здѣсь относитъ Кв. Курцій, какъ наложено выше, и пріѣздъ посольства отъ европейскихъ Скивовъ, и явку посланцевъ отъ царя Хоразмійскаго, что, видѣли мы, по Арріану имѣло мѣсто зимою 329—328 года, въ Заріаспѣ. Затѣмъ, дождавшись возвращенія въ Мараканду Эфестіона (скоро же исполнилъ онъ важное порученіе о колонизированіи согдійскихъ городовъ) и Артабазы, не

успѣвшаго поймать Спитамена, предпринялъ Александръ, по словамъ Курціа (VIII, 1, 2) охотничью прогулку въ край, называемый Базайра, или Базара (по другимъ рукописямъ Базиста), богатый стадами дикихъ звѣрей, которые содержались въ особыхъ заказныхъ лѣсахъ, окруженныхъ стѣнами и по мѣстамъ съ башнями для охотниковъ. Въ одинъ изъ такихъ лѣсовъ, четыре людскихъ поволѣнія не выдавшій охотника, забрался Александръ со всѣмъ своимъ войскомъ и устроилъ облаву на расплодившихся тамъ звѣрей: убито ихъ было четыре тысячи, причемъ самъ онъ собственноручно закололъ огромнаго льва не безъ сильной опасности для собственной жизни. Знаменитая травля эта завершилась охотничьимъ пиромъ всего войска въ томъ же лѣсу.

Относительно описанной охоты замѣтимъ прежде всего, что въ настоящее время львовъ въ Западномъ Туркестанѣ не водится; но это обстоятельство не можетъ служить уликою противъ достовѣрности Курціева разказа: за двѣ тысячи лѣтъ львы, быть можетъ, и появлялись тамъ. Это одно. Потомъ—львы въ заказномъ лѣсу могли быть и завозные, расплодившіеся впоследствии. Наконецъ, и не со львомъ могъ схватиться на охотѣ македонскій государь, а съ тигромъ: одно другаго стоитъ. Но походить ли на дѣло, чтобы обитатели Базайры содержали звѣринцы, о какихъ разказывается у Курціа, изъ одной любви къ искусству? На нашъ взглядъ это гораздо менѣе вѣроятно чѣмъ побѣда Александра надъ львомъ. И тутъ, однакоже, можно предположить обстоятельство, уменьшающее невѣроподобность существованія подобныхъ звѣринцевъ — то, что они могли быть заведены и содержимы, не жителями Базайры, а владѣльцами, государями этого края, какъ царская прихоть. Вычиталъ же Борнсъ ¹⁾ у персидскаго историка Вухары ²⁾, что „одинъ изъ государей тамошнихъ, Шемсъ-эд-Динъ, приобрѣлъ участокъ земли протяженіемъ въ полъ-фарсанга, (3½ версты), на которомъ развелъ сады, построилъ великолѣпныхъ дворцовъ и кіосковъ, прорылъ водопроводныя каналы, и назвалъ это мѣсто Шемсъ-абадомъ. Кромѣ того, устроилъ онъ тутъ же птичникъ и звѣринецъ, обведа его стѣною въ милю длиною, и населивъ первый голубями и другими птицами, а послѣдній — звѣрами: волками, ли-

¹⁾ См. его Путешествіе въ Бухару въ французскомъ переводѣ *Эйрисъ* (Paris 1835), II, 396.

²⁾ Историкъ этотъ—*Наршамъ*. Борнсъ, по ошибкѣ, принялъ имя автора за названіе сочиненія (I. c. II, 332).

сицами, кабанами, оленями, дикими быками (нильгау) и т. д.; причемъ одомашненныхъ изъ нихъ отдѣлили отъ дикихъ, паркъ для послѣднихъ обведа болѣе высокою стѣною, чтобы они не могли убѣжать. По смерти Шемсъ-эд-Дина, братъ и наслѣдникъ его Хызръ-ханъ построилъ въ Шемсабадѣ новыя зданія и увеличилъ число животныхъ въ звѣринцѣ“. Если такого рода звѣринцы могли устраивать бухарскіе владѣльцы, то нѣтъ причинъ отвергать возможность устройства подобныхъ, или еще затѣйливѣе, и владѣльцами Базайры. Со всѣмъ тѣмъ, имѣя въ виду отсутствіе въ краю такихъ лѣсовъ, какими, по Курцію, обилвала Базайра ¹⁾, и не довѣряя акуратности этого историка, мы бы весьма готовы были усомниться въ томъ, чтобы охота, имъ описываемая, имѣла мѣсто въ предѣлахъ Согдіаны, а не приурочена была къ этому краю, по невнимательному пользованію источниками, изъ какаго либо другаго, гдѣ дѣйствительно происходила, изъ Гирваніи, напримѣръ, или изъ Кабулистана, гдѣ, въ край по рѣкѣ Хоаспу, захвачено было у жителей болѣе 200,000 быковъ ²⁾. Сочли же мы означенное сомнѣніе неумѣстнымъ лишь вслѣдствіе того, что объ охотѣ Александра въ Базайрѣ (собственно Басистѣ) и обилии тамъ дикихъ звѣрей, упоминается и у Діодора Сицилійскаго ³⁾.

Но гдѣ-же, въ какомъ направленіи отъ Самарканда отыскивать эту Базайру, этотъ рай для охотниковъ? Въ настоящее время не находится, въ районѣ многихъ верстъ отъ Самарканда, никакой мѣстности, которая названіемъ своимъ напоминала бы Базайру или Басисту. Томашекъ ⁴⁾ отождествляетъ ее съ Ургутскою долиною, находя, что тутъ же существовало и владѣніе Ми китайскихъ сказаній о Заоксучинѣ, въ названіи столицы котораго, По-си-тэ, признаетъ онъ Діодорову Басисту. Вопросъ такъ теменъ, что можно и согласиться и не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ вѣнскаго ученаго.

Съ охоты Александръ опять возвратился въ Мараканду, а оттуда отправился зимовать въ Наутаку, оставивъ въ долинѣ Политимета Койна съ его и Мелеагровымъ полкомъ, четырьмястами конныхъ гетеристовъ, всѣми конными стрѣлками и тѣми изъ Бактрійцевъ и

¹⁾ Относительно отсутствія лѣсовъ въ краю около Самарканда основываемся на показаніяхъ *Костенки* въ его книгѣ: Туркестанскій край, III, 140—159.

²⁾ По Аппіану (IV, 25, 4) со ссылкою его на Птоломея.

³⁾ Въ изложеніи содержанія потерянныхъ главъ XVII-й книги его «Исторической Библіотеки».

⁴⁾ Centralasiatische Studien, Sogdiana, s. 80—81.

Согдійцевъ которые состояли дотолѣ подъ начальствомъ Аминты — съ порученіемъ сидѣть гарнизономъ въ краю и силою или хитростію захватить Спитамена, если онъ станетъ рыскасть тамъ зимою ¹⁾.

Плохо, видится, шли дѣла этого неутомимаго борца за свободу родины. Два раза возставали дружно Согдійцы, но оба раза разрозненно, мѣстно, каждый въ своемъ углу, не думая о соединеніи въ массы. Мелкіе князьки запирались въ свои горныя твердыни, надеясь (сидѣть тамъ отъ непріятеля, ожидая, что онъ вотъ-вотъ натѣшится да и уйдетъ, и въ тѣхъ же твердыняхъ искало убѣжище населеніе равнинъ, терзаемое пришельцами. О наступательныхъ дѣйствіяхъ, объ общемъ предводителѣ, не было, повидимому, и мысли. При такомъ положеніи дѣла, Спитамену съ немногими преданными ему людьми оставалось одно — что онъ и дѣлалъ — возбуждать противъ Македонцевъ болѣе подвижное населеніе сосѣднихъ съ Согдіаною степей, набирать союзниковъ изъ Даевъ, изъ Массагетовъ, и вести, при помощи ихъ, такъ сказать, партизанскую войну. Но кочевники любятъ войну единственно изъ-за грабежа, отъ Македонцевъ не могли они поживиться богатою и легкою добычею, а нѣсколько чувствительныхъ пораженій нанесенныхъ имъ Кратеромъ и другими военачальниками Александра, не могли не охладить ихъ расположенія помогать Спитамену. Тѣмъ не менѣе ему еще разъ удалось склонить ихъ ко вторженію въ Согдіану. Рѣшившись схватиться съ Койномъ, направился онъ, по Арріану (IV, 17, 4), со всѣми, какіе еще оставались у него, сподвижниками, къ Багѣ, передовой согдійской крѣпостці на поль-пути между согдійскими и массагетскими землями ²⁾, и тутъ уговорилъ присоединиться къ нему около 3,000 скинскихъ (то-есть массагетскихъ) всадниковъ. Койнъ, освѣдомившись объ этомъ, самъ поспѣшилъ на встрѣчу Спитамену, и вступилъ съ нимъ въ жестокой бой, кончившійся тѣмъ, что Македоняне одолѣли, потерявъ всего убитыми 25 конниковъ и 12 пѣхотинцевъ, тогда какъ у „варваровъ“ пало болѣе 800 всадниковъ. Неудача эта была причиною того, что Согдійцы и многіе Бактрійцы, участвовавшіе въ битвѣ и бѣжавшіе вмѣстѣ со Спитаменомъ, оставили его, вернулись и предали себя въ руки Койна. Скины-Массагеты воспользовались этимъ, чтобы расхитить

¹⁾ Арріанъ, IV, 17, 3.

²⁾ Въ одной рукописи, вмѣстѣ съ Βαγας читается ἐς Γαζας (Томашекъ, Sogdiana, S. 110). Во всякомъ случаѣ это не Бухара, которой въ Александрово время еще не существовало.

принадлежавшій вернувшимся обозъ, и ушли со Спитаменомъ въ свои пустыни. Но когда дошелъ до нихъ слухъ, что самъ Александръ собирается проникнуть къ нимъ, то, чтобы отклонить его отъ этого намѣренія, убили Спитамена и послали голову его Александру.

Такъ вотъ какъ кончилась жизнь великій, но не признанный за такого врагами потому только, что не успѣлъ достигнуть благородной цѣли своей, патріотъ согдійскій. Массагеты поступили съ нимъ, какъ вообще поступаютъ практическіе кочевники: пока ждали себѣ пользы отъ него, они бились о бока съ нимъ, а когда увидали, что пользу можно извлечь изъ его головы, отрѣзали ее отъ него, бывшему своему предводителю. Примѣровъ такой расхитливости у кочевыхъ исторіи знаетъ не мало ¹⁾. У Кв. Курція гибель Спитамена разказана болѣе романтическимъ образомъ (VIII, 3, 12—13). Причиною ея представлена жена Спитамена, которую онъ страстно любилъ, и которой надоѣла жизнь съ нимъ въ постоянныхъ лишеніяхъ и опасностяхъ. Не разъ пробовала она уговорить мужа отдаться Александру, рассчитывая на великодушіе македонскаго государя. За такіе совѣты Спитаменъ однажды чуть не убилъ ее. Та раздразнилась и, уловивъ удобное время, отсѣкла ему, сонному, голову. Для ващаго эффекта, Курцій вставляетъ ее, въ той самой окровавленной одеждѣ, въ которой совершила она преступленіе, лежать въ лагерь Македонцевъ и лично представить Александру голову своего мужа и отца своихъ дѣтей. Къ этому разказу, свидѣтельствующему до какой степени способенъ былъ на выдумки римскій историкъ македонскаго героя, когда, по его расчету, требовалось прикрасить повѣствованіе, прибавляетъ онъ, что Дай (гдѣ у Арріана фигурируютъ Массагеты, тамъ у Курція являются на сцену Дай), узнавъ о смерти Спитамена, захватили Датаферна, соучастника его „измѣны“, связали и привели къ Александру, изъявляя и собственную свою покорность. — Эпизодъ чисто драматическій: добродѣтель (въ лицѣ Александра) торжествуетъ, порокъ (въ лицѣ Спитамена и Датаферна) наказуется. Et c'est ainsi qu' on écrit l' histoire.

Отправивъ Александра изъ Мараканды зимовать въ Наутаку, Арріанъ не упоминаетъ ни о какихъ происшествіяхъ, которыя бы имѣли мѣсто на пути туда. По Кв. Курцію, изъ Мараканды Александръ направился предварительно на Ксениппу, а оттуда къ „твердынѣ Сисимитровой“, въ область, называемую Наура.

¹⁾ Одинъ изъ такихъ примѣровъ приведенъ въ брошюрѣ моей: Die Nomaden u. s. w. S. 58.

Ксениппа описывается Кв. Курціем (VIII, 2, 9) какъ страна со-предѣльная со Скиѳією и наполненная частыми и многолюдными селеніями, такъ какъ плодородіе земли тамошней не только привязываетъ къ ней туземцевъ, но и привлекаетъ пришельцевъ. Ради этого, служила она убѣжищемъ бактрійскимъ повстанцамъ вынужденнымъ бѣжать съ родины. Вѣсть о движеніи Александра въ эту сторону заставила жителей ея (ради собственной безопасности) прогнать этихъ выходцевъ. Такихъ набралось до 2,200 человекъ, все конниковъ, привыкшихъ даже и въ мирное время жить разбоемъ (кто не мирился съ чужеземнымъ игомъ, тотъ по Курцію былъ разбойникомъ). Эти негодяи, не надѣясь получить прощеніе, и кинулись съ отчаянія на (двигавшагося въ авангардѣ Александра) Амипту (назначеннаго сатрапомъ Бактріаны вмѣсто уволеннаго за старостію лѣтъ Артабаза и отправлявшагося на свой постъ), который не ожидалъ подобнаго нападенія. Завязался бой съ исходомъ, долгое время сомнительнымъ; но когда до 400 человекъ ихъ пало и до 300 взято было въ плѣнъ, остальные мятежники дали тылъ. Побѣда эта стоила Македонцамъ 80 убитыми и 350 ранеными. Не смотря на это, Александръ нашелъ политичнымъ простить бѣглецовъ, когда они обратились съ просьбою о помилованіи.

Вслѣдъ за означеннымъ актомъ милосердія, Александръ, по Кв. Курцію, со всѣмъ войскомъ своимъ прибылъ, какъ сказано, въ область по имени Наўра. „Сатрапомъ тамъ—продолжаетъ Курцій—былъ Сисимитръ, отецъ двухъ сыновей отъ собственной своей матери: жениться на матеряхъ не считается тамъ предосудительнымъ. Входъ въ эту область черезъ тѣсное ущелье былъ сильно укрѣпленъ искусственными сооруженіями и защищался двумя тысячами вооруженныхъ туземцевъ; ущелье замыкалось скалою, со стремительною передъ ней рѣкою ¹⁾. Въ скалѣ продѣланъ былъ; искусственно, проходъ, свѣтлый вначалѣ, но чѣмъ далѣе внутрь, тѣмъ болѣе мрачный. Проходъ этотъ, узкимъ корридормъ, извѣстнымъ лишь туземцамъ, выводилъ на равнину. Входъ въ ущелье, малодоступное по самой природѣ своей, охранялось, какъ сказано, мѣстными варварами съ оружіемъ въ рукахъ. Противъ искусственныхъ укрѣпленій, заграждавшихъ входъ, Александръ велѣлъ дѣйствовать таранами, а когда тараны разби-

¹⁾ Такъ всѣ переводчики Курція понимаютъ фразу его: *praeterfluebat torrentis amnis, a tergo petra claudebat*, хотя *praeterfluebat* относится скорѣе къ ущелью, чѣмъ къ скалѣ.

ихъ, пращниками своими и стрѣлками обратилъ въ бѣгство защитниковъ, и, преслѣдуя ихъ по развалинамъ, проникъ ущельемъ въ замыкавшему его утесу. Здѣсь встрѣтилъ онъ упомянутую выше рѣку, образуемую водами, сбѣгающими съ окрестныхъ высотъ ¹⁾. Труднымъ дѣломъ представлялось перебраться черезъ этотъ водоворотъ. Александръ рѣшилъ перейти его, сдѣлавъ насыпь, и съ этою цѣлію велѣлъ рубить лѣсъ и тащить отовсюду каменья. Варвары, ничего подобнаго не ожидавшіе, пришли въ ужасъ при видѣ быстро подымавшейся насыпи. Расчитывая, что можно воспользоваться этимъ страхомъ чтобы принудить защитниковъ скалы къ сдачѣ, Александръ послалъ къ Сисимитру Оксарту, соотечественника его, но служившаго уже ему, Александру, съ порученіемъ уговорить Сисимитра положить оружіе; а между тѣмъ, чтобы еще болѣе увеличить страхъ осаждаемыхъ, придвинулъ стрѣлометательныя башни и сталъ осипать ихъ градомъ стрѣлъ, чѣмъ принудилъ убраться на вершину скалы, оставивъ подступы къ ней безъ обороны. Оксартъ, съ своей стороны, вида безпокойство Сисимитра относительно исхода защиты, принялся увѣщевать его, чтобы онъ испыталъ лучше великодушіе Македонцевъ, нежели силу ихъ оружія, и не замедлялъ спѣшнаго движенія ихъ въ Индію, обращая тѣмъ на голову свою грома, которые несли они туда. Самъ Сисимитръ былъ уже не прочь согласиться на это предложеніе, какъ мать его и вмѣстѣ жена объявила, что скорѣе умретъ, чѣмъ отдастся въ чья-либо руки, и склонила тѣмъ варвара предпочесть геройскую смерть позорному существованію: устыдился онъ, что женщины дорожатъ свободою болѣе, чѣмъ мужи, отпустилъ переговорщика и рѣшился выдерживать осаду. Но лишь только удалился Оксартъ, какъ взвѣсивъ свои и непріятельскія силы, Сисимитръ сталъ раскаиваться, что послушался женскаго совѣта, который показался ему теперь болѣе опрометчивымъ, чѣмъ соответствующимъ обстоятельствамъ, и тотчасъ же, велѣвъ вернуть Оксарту, объявилъ ему, что покоряется Александру, по проситъ притомъ не доводить до свѣдѣнія побѣдителя о совѣтѣ, данномъ матерью, чтобы обезпечить тѣмъ и для нея возможность помилованія. И такъ, пославъ Оксарту впередъ, самъ съ матерью, дѣтьми и всѣми родственниками отправился онъ вслѣдъ, не ожидая даже никакого залога, что обѣщанное Оксартомъ будетъ дѣйствительно исполнено. Увѣдомленный объ этомъ, Александръ по-

¹⁾ Тутъ опять неясно у Курція: *interveniebat fluvius coccantibus aquis ex superiore fastigio in vallem*.

сладъ на встрѣчу приближавшимся гонца съ приказаніемъ остановиться и ожидать его прибытія; прибывъ же и совершивъ жертвоприношеніе Минервѣ и Побѣдѣ, объявилъ Сисимитру, что оставляетъ его въ управленіи областью, и обѣщалъ даже, что если будетъ онъ служить вірою и правдою, то поставитъ его начальникомъ страны болѣе значительной. Съ своей стороны Сисимитръ отдалъ ему двухъ сыновей своихъ, и Александръ приказалъ имъ находиться въ его свитѣ. Затѣмъ, отдѣлившись отъ фаланги, отправился преслѣдовать непокорившихся съ Сисиметромъ, сопровождаемый одною конницею". Слѣдуетъ описаніе трудностей преслѣдованія на протяженіи 500 стадій, схватки съ бѣглецами въ лѣсу, и необыкновенныхъ подвиговъ юноши Филиппа, брата Лисимахова, которое мы опускаемъ. „Послѣ этого — говоритъ Кв. Курцій — намѣревался Александръ идти на Даевъ, у которыхъ проживалъ Спитаменъ. Но и это дѣло Фортуна, никогда не уставшая благоприятствовать ему, устроила, какъ и многія другія, помимо его“ (VIII, 3, 12), и засилье разказываетъ о гибели Спитамена отъ руки собственной жены, о чемъ упомянуто уже нами выше.

Гдѣ же, въ какихъ частяхъ Согдіаны находились Ксениппа и Петра Сисимитрова?

Новые исторіки Александра, обращая вниманіе въ приведенномъ разказѣ Курція преимущественно на то, что Ксениппу показывается онъ смежною со Скиніею, помѣщаютъ этотъ край, равно какъ и Петру Сисимитрову, въ сѣверной или даже сѣверо-западной части Согдіаны, въ горахъ Нуратау, къ чему соблазняетъ ихъ и названіе страны Наўра¹⁾. Противъ такого приуроченія слѣдуетъ возразить, что Ксениппу описываетъ Курцій краемъ благодатнымъ и густо-населеннымъ, а къ долинамъ и ущельямъ въ голомъ Нуратаўскомъ хребтѣ это никоимъ образомъ неприменимо. Затѣмъ, какая стая и возможность была для бактрійскихъ выходцевъ забираться такъ далеко на сѣверъ черезъ долину Зерафшана, усѣянную македонскими гарнизонами? И какъ бы могъ оставить тамъ въ покоѣ такую сильную шайку военачальникъ Койнъ, на котораго возложено было охраненіе Зерафшанской долины отъ вторженій съ сѣвера? Наконецъ, зачѣмъ было Амнитѣ, получившему назначеніе въ Бактріану, на югъ отъ Мараканды, идти съ Александромъ на сѣверъ? Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что изъ Мараканды пошелъ Александръ въ Наўтаку на югъ, и что потому Ксениппа находилась на пути его въ Наўтаку,

¹⁾ Гербертъ, I. с. II, 168.

а на этомъ пути именно и лежитъ долина Шегрисебзская, одинъ изъ самыхъ цвѣтушихъ оазисовъ во всей Согдіанѣ (принимая названіе это въ обширномъ смыслѣ), къ которому какъ нельзя болѣе прилагается Курціева характеристика Ксениппы¹⁾. Сюда удобно было укрыться и бактрійскимъ изгнанникамъ, такъ какъ оазисъ Шегрисебзскій находится весьма недалеко отъ Бактріаны, и ведутъ туда многія дороги съ береговъ Окса. Противъ такого приуроченія Ксениппы можетъ быть выставлено то обстоятельство, что оазисъ Шегрисебзскій долженствовалъ быть покоренъ Александромъ ранѣе, лѣтомъ ли того же 328 года, когда приводилъ онъ къ покорности окрестнымъ съ Самаркандомъ мѣста, или тогда еще, когда онъ впервые шелъ на Самаркандъ послѣ захвата Бесса, то-есть, весною 329 года. Но, вѣдь, Курцій и не говоритъ, чтобы Ксениппа была завоевана Александромъ именно осенью 328 года, на пути къ Наўрѣ. Упомянуто у него о Ксениппѣ при этомъ случаѣ потому только, что тогда произошелъ тамъ бой между Амнитою и бактрійскими выходцами; а эти послѣдніе могли забраться сюда уже послѣ того, какъ страна подчинилась Александру. Впрочемъ, при неясности Курціева извѣстія о Ксениппѣ, допускающаго разнообразныя толкованія, мы нисколько не настаиваемъ на тождествѣ ея съ Шегрисебзомъ, и охотно готовы допустить, что Ксениппа соответствуетъ нынѣшней Байсун'ской долинѣ, влѣво отъ пути изъ Самарканда къ Ширабаду²⁾, которымъ долженъ былъ двигаться Александръ на зимовку въ Наўтагѣ.

О Петрѣ Сисимитровой, приурочиваемой Томашкомъ къ нынѣшнему городку Дербенту и ведущей къ нему знаменитой тѣснинѣ, извѣстной некогда подъ именемъ „Железныхъ Воротъ“, а нынѣ именуемой, весьма непозитично, Бузгола-хана, „Ковій-домъ“³⁾, поидеть у насъ рѣчь далѣе; теперь же зададимся вопросомъ: если Наўтака, какъ высказались мы выше, есть имя не топографическое, а хорографическое, то въ какомъ-же пунктѣ края, называвшагося Наўтакскимъ, зимовалъ Александръ въ 328—327 году? Определеннаго на это отвѣта, за отсутствіемъ какихъ-либо разъяснительныхъ указаній у Арріана

¹⁾ О Шегрисебзской долинѣ см. у Маева, въ его Очеркахъ Бухарскаго Ханства, помѣщенныхъ въ V-мъ выпускѣ Матеріаловъ для Туркестанскаго края (СПб. 1879), стр. 89—90.

²⁾ О Байсунской долинѣ см. у Маева, I. с. стр. 168—169. По Мюстцелю, Ксениппу надо искать въ Хисарскомъ край (I. с. р. 732).

³⁾ Contralasiatische Studien, S. 26 u. 116—118.

или Курція, дать невозможно. Несомнѣнно одно — что искомый пунктъ не долженъ былъ находиться далеко отъ Бактры, гдѣ уже начались приготовления къ замышленному Александромъ походу на Индію. Но такихъ пунктовъ на правомъ побережьи Окса можно указать нѣсколько, почти съ одинаковою по отношенію ко всѣмъ имъ вѣроятностію, что они отвѣчаютъ на заданный вопросъ. По нашимъ соображеніямъ, всего удобнѣе было зимовать Александру въ нижншемъ Ширабадѣ ¹⁾, откуда скорѣе чѣмъ изъ какого-либо другаго пункта можно было предпринять предстоявшее еще завоеваніе праваго побережья Окса вверхъ по его теченію, и спускающихся къ нему съ сѣвера долинъ рѣкъ Сурхана, Кафирнигана, Сурхаба и т. д. Ширабадъ, между жителями котораго и до сихъ поръ еще хранится преданіе, что городъ этотъ видѣлъ подъ своими стѣнами войскъ Александра Македонскаго ²⁾, покоренъ былъ этимъ послѣднимъ, должно полагать, или въ первый походъ его на Согдіану, или во второй, такъ какъ лежитъ на удобнѣйшей дорогѣ изъ Балха (Бактръ) въ Самаркандъ. Если, не смотря на то, не находимъ извѣстія о занятіи его Македонцами и слѣдованіи ими черезъ тѣснину „Желѣзныхъ Воротъ“, которою пролегаетъ означенная дорога, это нисколько не опровергаетъ самаго факта, такъ какъ мы видѣли уже, что подобнаго рода пропуски у обоихъ историковъ нашихъ встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу.

Съ покойнымъ сердцемъ могъ Александръ отдыхать въ Наўтакѣ отъ лѣтнихъ трудовъ и пиршествъ своихъ въ Согдіанѣ, предаваясь думамъ и мечтамъ о дальнѣйшихъ подвигахъ въ Индіи: самаго опаснаго изъ враговъ, какихъ только встрѣчалъ онъ до сихъ поръ, Спитамена, не было уже на свѣтѣ; Согдіана, Ушрусана, Ксениппа, Наўтака, южная Бактріана, залитыя кровью и лишившіяся мужественнѣйшихъ сыновъ своихъ, покорствовали обезсиленнымъ и изнеможеннымъ ³⁾.

¹⁾ О Ширабадѣ см. у Маева, I. с., стр. 154, 156 и 307—308.

²⁾ Маевъ, I. с., стр. 156.

³⁾ Энергично, соответственно качеству дѣйствій Александра, выражается Томашекъ объ этомъ предметѣ: «Nur dem Aufgebote der höchsten Rascheit und Energie sowie der Anwendung einer unmenschlichen Vernichtungswuth von Seite des Eroberers gelang es die wiederholt ausgebrochenen Volksaufstände zu unterdrücken und in Sogd Ruhe, freilich die Ruhe einer Leichenstätte, zu schaffen» (Centralasiatische Studien, S. 6).

Сосѣдніе кочевники, получивъ достаточные уроки не мѣшаться въ чужое дѣло, не чувствовали расположенія подвергать себя вновь тяжелымъ ударомъ греческаго оружія. Задача покоренія Заоксусчины была достигнута въ главномъ и существенномъ; но оставалось еще довершить ее завоеваніемъ, какъ сейчасъ сказано, горныхъ твердынь въ долинахъ праваго берега верховьевъ Окса, куда укрылось изъ Согдіаны и Бактріаны много мѣстной знати, не примирившейся еще съ мыслью о покорности иноземцамъ, и полагавшей себя въ безопасности отъ нихъ, по трудности пробраться въ тущобы, куда зашла она, обезпечивъ себя надолго всякими запасами. Отсюда, съ уходомъ Александра въ Индію, могла она снова воспламенить только что утушенные возстанія; можетъ быть, только и ждала его ухода, чтобы приняться за дѣло. Разгромомъ этихъ послѣднихъ обломковъ мѣстной независимости условливалось и подчиненіе македонской власти зависѣвшаго отъ нихъ простонародія. Такой разгромъ и поставилъ Александръ цѣлю своихъ дѣйствій послѣ трехмѣсячной зимовки въ Наўтакѣ.

Весенній походъ 327 года въ страны вверхъ по Оксу ¹⁾ открылся, по Арріану (IV, 18, 4), движеніемъ на „петру“ въ Согдіанѣ, куда укрылся Бактріецъ Оксіартъ, овладѣніемъ этою „петрою“ и женитьбою Александра на дочери Оксіарта, Роксанѣ. Затѣмъ — движеніемъ въ Паретаку, осадю тамъ „петры“ Хоріеновой и сдачею ея, послѣ чего Александръ отправляется въ Бактры, оставивъ Кратера раздѣляться съ остальными въ Паретакѣ „мятежниками“: Катаномъ и Аўстаномъ. По Кв. Курцію (VIII, 4, 14, 16 и V, 17), съ зимовки (въ области Наўра?) направляется Александръ въ страну по имени Габаза, подвергается на пути сильнѣйшей бурѣ, получаетъ помощь отъ Сисимитра, дѣлаетъ вторженіе въ земли Саковъ и опустошаетъ ихъ; идетъ затѣмъ въ область Когортанову, женится тамъ на дочери Оксіарта Роксанѣ, и посылаетъ Кратера преслѣдовать Аўстана и Катены, а Полисперхона — завоевывать область Вубакену. Такимъ образомъ, общаго въ повѣствованіи обоихъ историковъ только два обстоятельства: женитьба на Роксанѣ (да и то по Арріану въ одномъ, по Курцію въ другомъ мѣстѣ) и командировка Кратера противъ Аўстана и Катены. Остальные факты приходится распредѣлять по соображенію. Относительно послѣдовательности событій довѣряя болѣе Арріану,

¹⁾ Герцбергъ, (I. с. II, 172) полагаетъ, согласно съ Мютцелемъ (I. с. p. 741), что выступленіе въ походъ послѣдовало во второй половинѣ февраля 327 года.

мы полагаемъ, что походъ 327 года дѣйствительно начался съ осады „петры въ Согдіанѣ“, и что эта петра есть та самая Сисимитрова твердыня, овладѣніе которою относить Курцій, какъ видѣли мы, къ военнымъ дѣйствіямъ Александра въ концѣ 328 года. Тождество „твердыни Сисимитровой“ съ „петрою въ Согдіанѣ“ устанавливаетъ для насъ показаніе Страбона (XI, 11, 4), что Роксана, дочь Оксіартова, находилась въ „петрѣ Сисимитровой“. Направиться сюда понуждало Александра то обстоятельство—говоритъ Арріанъ (IV, 18, 4), что, „по слухамъ, сбѣжали сюда многіе изъ нежелавшихъ покориться Согдійцевъ, и сюда же укрылъ жену и дочь, какъ въ неприступное убѣжище, и Бактріецъ Оксіартъ, тоже возмущившійся. Съ покореніемъ этой твердыни можно было ожидать, что возстанію Согдійцевъ положенъ будетъ конецъ“. Мы видѣли выше, какъ описываетъ Курцій мѣстоположеніе „Сисимитровой скалы“ и дѣйствія осаждавшаго ее Александра. Вотъ что читаемъ о томъ же самомъ у Арріана (IV, 18, 5): „Приблизившись къ Петрѣ, увидѣлъ Александръ, что подъемъ на нее со всѣхъ сторонъ крайне крутъ, а о защитникахъ ея узналъ, что они запаслись продовольствіемъ на долгое время. Затрудненъ былъ также доступъ къ Петрѣ для Македонянъ и глубокими снѣгами, тогда какъ варварамъ доставляли они воду въ обиліи. Не смотря на все это, Александръ рѣшилъ взять Петру штурмомъ. Побудили его къ этому чувство гнѣва и жажда славы вслѣдствіе надмѣннаго отвѣта варваровъ на предложеніе его сдаться и быть распущенными по домамъ: насмѣхаясь надъ этимъ предложеніемъ, варвары отвѣчали: „пусть прежде добудетъ себя Александръ крылатыхъ воиновъ, которые были бы въ состояніи забраться на петру, обыкновенныхъ же людей мы не боимся“. Вслѣдствіе этого, Александръ объявилъ по своему войску, что первый, кто войдетъ на петру, получить въ награду 12 талантовъ, второй за нимъ — 11-ть, третій — 10-ть и такъ далѣе до 20-го, съ наградою въ 300 дариковъ (одинъ талантъ). Надежда получить такія (неслыханныя) награды еще болѣе воспламенила Македонянъ, и безъ того готовыхъ ринуться на подвигъ. Изъ числа воиновъ, привившихъ, при осадѣ, взбираться на утесы, отобрано было 300 человекъ; ихъ снабдили небольшими желѣзными кольями, служившими для прикрѣпленія шатровъ къ землѣ, привязавъ къ этимъ кольямъ крѣпкіи холщевыя полотнища: колья, втыкаемые въ почву или въ окрѣпшіи отъ мороза снѣгъ, должны были служить пособіемъ для подъема. Затѣмъ ночью команду эту направили къ самой крутой части петры, гдѣ потому и караулъ туземцами не дер-

жалось. Втыкая колья, пошли люди подыматься выше и выше, кто какъ могъ и гдѣ могъ. Десятая доля изъ взбиравшихся погибла при этомъ, такъ что потомъ не могли отыскать и тѣлъ ихъ для погребенія: въ снѣгахъ утонули. Остальные къ разсвѣту взобрались на самую вершину горы, и, какъ приказано было Александромъ, дали знать о томъ, размахивая полотнищами. По этому знаку, Александръ тотчасъ же послалъ къ варварамъ герольда съ приказаніемъ объявить имъ, чтобы сдавались немедленно, такъ какъ крылатые воины избрѣтены имъ и находятся уже на макушкѣ горы, — и указать при этомъ на забравшихся туда Македонцевъ. Пораженные неожиданностію зрѣлища, полагая число Македонцевъ на вершинѣ горы гораздо значительнѣйшимъ, чѣмъ оно было, и считая ихъ хорошо вооруженными — варвары сдались“.

Между этимъ разказомъ и разказомъ Курція о мѣстности и осадѣ „Сисимитровой скалы“ нѣтъ ни одной точки сходства. Но за то, исключая преувеличенія въ описаніи мѣстности, Курцій повѣствуетъ точно то же самое, что и Арріанъ — о покореніи „Аримазовой скалы“, какъ видѣли мы это выше. Кто изъ двухъ историковъ перепуталъ обстоятельства, отнеся къ осадѣ одной мѣстности тотъ способъ овладѣнія ею, который пущенъ былъ въ ходъ ради покоренія другой? По Страбону (XI, 12, 4), Сисимитрова петра имѣла въ высоту 50, въ окружности 80 стадій, представляя на вершинѣ своей площадь способную прокормить (то-есть при хлѣбопашествѣ на ней) 500 человекъ. Согдійская-же Аримазова петра была, по тому же, Страбону, вдвое выше Сисимитровой. На этомъ основаніи, разказъ о 300 „крылатыхъ воинахъ“ полагаемъ мы относящимся скорѣе къ Аримазовой, чѣмъ къ Сисимитровой петрѣ, отдавая на этотъ разъ предпочтеніе Кв. Курцію. Такимъ образомъ, и Страбонова „Сисимитрова“ и Арріанова „Согдійская“ петра тождественны, по нашему мнѣнію, съ „Сисимитровою“ петрою Кв. Курція, не смотря на разказъ послѣдняго объ овладѣніи ею, не представляющій никакого сходства съ повѣствованіемъ о томъ же Арріана. Допустивъ, что это послѣднее относится къ покоренію Аримазовой, а не Сисимитровой петры, ничто не мѣшаетъ намъ признать Курціевъ разказъ объ операціяхъ Александра для овладѣнія Сисимитровою петрою относящимся именно къ этой, а не къ какой-либо другой мѣстности; но нельзя не замѣтить, что описаніе Сисимитровой петры, даваемое намъ римскимъ историкомъ, поражаетъ неестественностію и невозможностями разнаго рода и очень мало соотвѣтствуетъ мѣстности „Желѣзныхъ Воротъ“, насколько

знаемъ мы ее изъ современныхъ извѣстій. Сходство заключается единственно въ описаніи ущелья, которое вело къ „скалѣ“, а затѣмъ описаніе самой скалы съ ея рѣкою и корридормъ не представляетъ ничего похожаго на мѣстность нынѣшняго поселка Дербентъ, къ которому приурочиваетъ ее Томашевъ ¹⁾. Ущелья же, подобныя описываемому Курціемъ, встрѣчаются въ краю на востокъ и юго-востокъ отъ нынѣшняго Карши почти на каждомъ шагу, вслѣдствіе чего петру Сисимитрову можно, съ одинаковою вѣрностію, приурочивать какъ къ Дербенту, такъ и ко многимъ другимъ пунктамъ края. Но разъ предположивъ, что Александръ зимовалъ въ Ширабадѣ, мы не можемъ уже приурочивать означенную крѣпость къ пункту сѣвернѣе этого города по направленію къ Самарканду, а должны отыскивать ее восточнѣе, и полагаемъ, что она соотвѣтствовала лежащему нынѣ въ развалинахъ, славному нѣкогда, городу Термеду ²⁾.

Въ „петрѣ Согдійской“ достались, по Арріану (IV, 19, 4—5), въ руки Македонцевъ, кромѣ жены и дочери Оксіарта, жены и дѣти многихъ другихъ лицъ мѣстной знати. Плѣнившись красотою дочери Оксіартовой, Роксаны, считавшейся второю по всей Азіи красавицею послѣ жены Дарія, Александръ не захотѣлъ оскорбить ее, поступивъ съ нею какъ съ плѣнницею, а взялъ ее за себя въ замужество. Услышавъ объ этомъ, „мятежничавшій“ дотолѣ Оксіартъ добровольно явился къ Александру, и принять былъ имъ съ честью подобающе царскому тестю (IV, 20, 4). По Кв. Курцію, относящему бракъ съ Роксаною нѣсколько позже и къ другому мѣсту, Оксіартъ взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дочерью, и Александръ увидѣлъ ее на пиру, данномъ въ честь его Оксіартомъ, и такъ былъ обвороженъ ея прелестями, что тутъ же изобрѣлъ теорію, по которой слѣдовало ему жениться на ней для примиренія Персовъ съ Македонцами, не смотря на то, что онъ царь, а она плѣнница и дочь сравнительно неважнаго вязыка, ибо де и предокъ его Ахиллъ тоже, какъ извѣстно, женился на плѣнницѣ (VIII, 4, 16). Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что женитьба Александра на дочери Оксіарта много содѣйствовала примиренію съ нимъ бактрійской и согдійской знати, а для обезпеченія владычества его въ долинахъ Окса и Политимета это было для него

¹⁾ О мѣстности этой см. у *Масва*, въ его «Очеркахъ Гиссарскаго края» (въ V-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для статистики Туркестанскаго края», стр. 146—149).

²⁾ О мѣстоположеніи Термеда и его нынѣ развалинахъ см. у *Масва*, 1. с. стр. 234.

нужнѣе, чѣмъ склонить на свою сторону и безъ того работѣльных Персовъ хотя бы бракомъ съ дочерью Дарія (что, впрочемъ, онъ позже и сдѣлалъ).

И такъ, мы полагаемъ, что походъ 327 года начался овладѣніемъ Сисимитровою петрою, а затѣмъ имѣли мѣсто событія, о которыхъ Арріанъ умалчиваетъ, а разказываетъ только Курцій. Первымъ изъ этихъ событій было движеніе Александра въ страну по имени Габазы. Для насъ несомнѣнно, что страна эта — область Кобадіанская ¹⁾. Городъ Кобадіанъ, упоминаемый у средневѣковыхъ арабскихъ географовъ, существуетъ и до нынѣ. Отъ Ширъ-Абада до него считается около 230 верстъ. На этомъ пути, на третій день по выступленіи съ зимнихъ квартиръ, войско македонское, проходя лѣсомъ, пострадало отъ сильнѣйшей грозы, сопровождавшейся ливнемъ и градомъ. Двѣ тысячи человѣкъ воиновъ, обозныхъ служителей и маркизантовъ погибли отъ холода, заоченѣвъ въ эту бурю, и плохо пришлось бы завоевателямъ еслибы на помощь къ нимъ не явился Сисимитръ, пригнавшій большое количество вьючныхъ животныхъ, 2,000 верблюдовъ и много крупнаго и мелкаго порціоннаго скота. Поблагодаривъ Сисимитра за столь важную услугу (не женился бы на Роксанѣ, такихъ услугъ туземцы, конечно, не стали бы оказывать), Александръ приказалъ воинамъ своимъ взять съ собою 6-дневный провіантъ, и предпринялъ поискъ въ землю Саковъ, опустошивъ которую, изъ пріобрѣтенной добычи 30,000 головъ скота подарилъ Сисимитру.

Этотъ набѣгъ на Сакскія земли ясно указываетъ на мѣстность, изъ которой онъ былъ предпринятъ. Границы между осѣдлымъ населеніемъ Согдіаны (въ обширномъ смыслѣ, то-есть со включеніемъ въ предѣлы ея долинъ на югъ отъ Хисарскаго-Хребта) и сосѣдними кочевниками съ сѣверо-востока были, на памяти исторіи, всегда однѣ и тѣ же, и всегда одними и тѣми же путями проникали кочевники въ помянутыя долины. Въ Александрово время такими кочевыми сосѣдями Согдійцевъ были Саки; позже, Саковъ (когда они выселялись изъ старыхъ предѣловъ своихъ) замѣнили колѣна тюркскія. Противъ вторженій этихъ-последнихъ, въ ущельѣ, которымъ они обыкновенно

¹⁾ Звуковое сходство *Габазы* съ *Кобадіаномъ* усиливается тѣмъ еще, что послѣднее имя пишется у географовъ арабскихъ, какъ *Ковадіанъ*, такъ и *Кобадіанъ* (подобно тому какъ и *Термедъ* зовется верѣдко у азіатскихъ писателей *Термедомъ*). Bibliotheca Geographorum Arabicorum, IV, 110.

проникали въ области Эр-рашть, бармеядъ Фадль бенъ-Яхья выстроилъ стѣну съ двумя замками, которая запирала это ущелье ¹⁾. Означенную преграду средневѣковые арабскіе географы называютъ просто Эль-Када, „крѣпость“. Черезъ это-то ущелье, по всей вѣроятности, и сдѣлалъ Александръ свой набѣгъ на земли Саковъ, къ сѣверу и востоку отъ ущелья простиравшіяся. Область Эр-рашть, по имѣющимся о ней арабскимъ свѣдѣніямъ, должна была находиться къ востоку отъ р. Сурхаба, въ нынѣшнемъ Каратегинѣ или нѣсколько южнѣе, а „крѣпость“, выстроенную Фадломъ, можно признать, пожалуй, въ нынѣшнемъ Кале-и-Серипул'ѣ.

Если изложенная догадка основательна, значитъ Александръ изъ Ширабада пошелъ на Термедъ (въ Кобаданской области), а оттуда на Кулабъ, изъ котораго поднялся на сѣверъ до Серипула, отсюда и предпринялъ вторженіе въ земли Саковъ.

По Арріану, какъ сказано, Александръ, взявъ „петру Согдійскую“ (по нашему приуроченію Термедъ), двинулся въ Паретаку, вслѣдствіе того, что увѣдомился о существованіи тамъ сильной горной крѣпости, куда тоже укрылось много „варваровъ“. Звалась эта крѣпость „петрой Хоріеновой“, и засѣлъ тамъ какъ самъ Хоріенъ, такъ и не малое число другихъ князьковъ (собственно „эпарховъ“). Въ высоту, по описанію Арріана (IV, 21, 2—9), имѣла эта петра около 20 стадій, въ окружности 60-тъ, и, при крутизнѣ со всѣхъ сторонъ, представляла доступъ лишь по узенькой тропинкѣ, по которой едва можно было подыматься въ одиночку. Сверхъ того, окружена она была глубочайшимъ ровомъ, который, прежде приступа къ самой крѣпости, предстояло осаждающему заспать. Съ этою цѣлію приказалъ Александръ нарубить высокихъ сосенъ, въ обиліи росшихъ въ окрестностяхъ петры, и надѣлать изъ нихъ лѣстницъ, при помощи которыхъ войско его могло бы спуститься въ ровъ. Днемъ половина войска работала подъ наблюденіемъ самого Александра, ночью — другая половина, раздѣленная на три смѣны, — подъ надзоромъ его тѣлохранителей: Пердикки, Леонната и Птолемея Лагова. По спускѣ въ ровъ, въ стѣны его вбиты были колья, которые затѣмъ обрѣшетила ивнякомъ, такъ что образовался помостъ, и сверхъ этой обрѣшетки, крѣпко связанной, насыпали земли, чтобы уравнять путь для движенія вой-

ска подъ крѣпость. Варвары, глядя на эти работы, смѣлялись сначала, считая ихъ напрасными; но когда Македонцы стали поражать ихъ стрѣлами, а сами они, стрѣляя сверху внизъ, не наносили никакого вреда осаждающимъ, работавшимъ подъ навѣсами, Хоріенъ привадумался и отправилъ къ вождю Македонцевъ герольда, съ просьбою прислать къ нему Оксіарта. Послѣдній, свидѣвшись съ Хоріеномъ, принялся уговаривать его отдать и себя, и петру во власть Александру, утверждая, что войскамъ его ничто не можетъ противостоять, тогда какъ, въ случаѣ добровольной сдачи, Хоріенъ можетъ рассчитывать на вѣрность въ словѣ и милость царя, въ доказательство чего приводилъ какъ многихъ другихъ испытавшихъ это, такъ и самого себя. Уговоры подѣйствовали, и Хоріенъ, сопровождаемый нѣсколькими родственниками и друзьями, явился въ станъ побѣдителя. Александръ встрѣтилъ его благосклонно; изъ сопровождавшихъ же его отослалъ нѣкоторыхъ назадъ въ петру, чтобы приказали сдать и остальнымъ тамъ находившимся. Такимъ образомъ петра отдана была Александру тѣми самими; кто бѣжалъ туда отъ него. Тогда Александръ поѣхалъ осмотрѣть это новое приобрѣтеніе всего съ 500 щитоносцами, отдалъ его опять подъ власть Хоріену, и поручилъ завѣдыванію его все то, чѣмъ онъ дотошѣ правилъ“.

Къ этому разказу объ осадѣ и сдачѣ петры Хоріеновой прибавляетъ Арріанъ (IV, 21, 10), что „вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ зимою въ томъ краю войско терпѣло не мало отъ недостатка въ сѣстныхъ припасахъ и другихъ необходимыхъ предметахъ; что Хоріенъ вызвался снабдить Македонцевъ двухмѣсячнымъ провіантомъ изъ запасовъ, собранныхъ имъ въ петру въ виду могшей случиться осады, и выдавъ въ означенномъ количествѣ хлѣбъ, вино и соленое мясо, и хвалился еще, что все это не составляетъ и десятой доли помянутыхъ запасовъ: ради того, въ вящей еще чести возымѣлъ его Александръ, находя, что сдался онъ скорѣе по доброй волѣ, чѣмъ силою къ тому принужденный“.

Гдѣ же находилась эта „петра“ Хоріенова? По Арріану, должно искать ее въ Паретакенѣ. Но чтò такое самая Паретакена? Это, во первыхъ, не собственное имя какой-либо страны, какъ Согдіана или Бактріана; это — имя нарицательное, встрѣчающееся, потому, въ разныхъ частяхъ Азіи. Такъ Страбонъ упоминаетъ о Паретакенѣ между Мидіей и Персидой, и о Паретакенѣ въ Ассиріи, къ сѣверу

¹⁾ Не имѣя подъ рукою Ибнъ-Хордадбег'а, которому принадлежитъ приведенное извѣстіе, ссылаемся на *Томашека*, который цитируетъ его въ своей *Sogdiana*, p. 49.

отъ Вавилоніи ¹⁾). Термиш Паретакена, соотвѣтствуя нынѣшнему персидскому Кугѣстанъ, означалъ „горную страну“. Для жителей равнинъ всякое гористое пространство по сосѣдству съ ними было „Паретакеною“. Въ этомъ смыслѣ для обитателей праваго побережья Окса южиѣ Кобадіана и Кулаба „Паретакеною“ должны были быть среднія и сѣверныя части нынѣшняго Хисарскаго-Края, то-есть долины рѣкъ Сурхана, Кафирнигана и Сурхаба. Край этотъ, и по Кв. Курцію, принимая въ соображеніе движеніе черезъ Габазу, былъ театромъ военныхъ дѣйствій Александра раннею весною и лѣтомъ 327 года ²⁾. Что-же касается до того, какой изъ пунктовъ Хисарскаго-Края могъ соотвѣтствовать „петрѣ“ Хоріеиной, объ этомъ опредѣленнаго мнѣнія мы не имѣемъ, по трудности или, точнѣе сказать, совершенной невозможности приурочивать фантастическія описанія заоксускихъ твердынь, встрѣчаемыя у Курція и даже Арріана къ какимъ-либо существующимъ въ дѣйствительности мѣстностямъ. Могъ это быть нынѣшній Хисаръ, могъ быть и другой пунктъ въ томъ краю.

По Кв. Курцію, какъ видѣли мы, Александръ, послѣ поиска на Саковъ, приходитъ въ область Когортанову, и женится тамъ на дочери Оксіарта, Роксанѣ. Мютцель, въ своемъ изданіи Курція (р. 746), вмѣсто *Cohortanes satrapes nobilis*, какъ читаемъ въ старыхъ изданіяхъ, пишетъ *Oxyartes, satrapes nobilis*, то-есть, сатрапомъ области, куда приходитъ Александръ отъ Саковъ, называетъ Оксіарта, отца Роксаны, а не Когортана. Эта замѣна Когортана Оксіартомъ представляется намъ совершенно произвольною. По самому ходу событій въ весенній походъ 327 года, видно, что бракъ съ Роксапою долженъ былъ имѣть мѣсто, какъ и читаемъ у Арріана, въ началѣ, а не подъ конецъ этого похода, куда отнесъ его Курцій; а если такъ, то послѣ поиска на Саковъ, долженъ былъ Александръ придти въ область, управляемую не Оксіартомъ, а какимъ-либо другимъ лицомъ. Такимъ лицомъ и былъ Когортанъ, котораго считаемъ мы тождественнымъ съ Хоріеиномъ Арріана. О Когортанѣ свѣдѣваетъ Курцій (VIII, 4, 16), что онъ добровольно покорился Александру, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній воз-

становилъ его въ управленіи подчинявшейся ему областію, потребовавъ только, чтобы онъ изъ трехъ сыновей своихъ отдалъ ему на службу двоихъ, а Когортанъ отпустилъ съ нимъ и остальнаго, третьяго сына. Арріанъ не упоминаетъ о такомъ свидѣтельствѣ преданности со стороны Хоріена, но, какъ вѣдѣли мы, отношенія Хоріена къ Александру представляются тоже крайне дружественными, такъ что въ сущности между Арріаномъ и Курціемъ нѣтъ противорѣчій по этому предмету.

Разказывая о военныхъ дѣйствіяхъ Александра въ Хисарскомъ краю, одинъ одно, другой другое, оба историка наши согласны, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ заключеніе описанныхъ ими подвиговъ царя Македонскаго, отправляютъ его въ Бактры, укрощеніе двухъ остальныхъ „мятежниковъ“, Катана (или Катена) и Аўстана, предоставляя его военачальникамъ. Курцій не упоминаетъ о томъ, гдѣ находились эти послѣдніе могиканы національныхъ возстаній въ Заоксусчій. По Арріану, укрывались они тоже въ Паретакенѣ, предѣлы которой, повидимому, не ограничивались однимъ Хисарскимъ краемъ, а заключали въ себѣ и горныя владѣнія какъ на востокъ отъ этого края, такъ и по западнымъ скатамъ Памирской Выси, т.-е. нынѣшній Деравъзъ и т. д. По Курцію и Арріану, преслѣдовать Катана и Аўстана посланъ былъ Кратеръ, причемъ Арріанъ показываетъ и составъ порученнаго ему отряда: 600 конныхъ гетеристовъ и четыре пѣшихъ полка: его собственный, Полисперховтовъ, Атталовъ и Алкетовъ. Настигнувъ „мятежниковъ“, Кратеръ вступилъ съ ними въ жестокій бой, при чемъ Катанъ палъ сражаясь, Аўстанъ-же былъ взятъ въ плѣнъ и, впоследствии, представленъ Александру. „Варваровъ“ въ этомъ бою легло: конныхъ — 120, пѣшихъ — около 1500. О потерѣ, повесенной Македонцами, не упоминается. Исполнивъ, такимъ образомъ, приказанное ему, Кратеръ, по Арріану, присоединился къ Александру въ Бактрахъ. По Курцію, Полисперхонъ покорилъ еще страну по имени Бубакена ¹⁾. Если страна эта соотвѣтствуетъ Бадахшану ²⁾, Полисперхонъ, значить, возвратился въ Бактры черезъ Фейзабадъ и Кундузъ.

Что касается до Александрова пути въ Бактры послѣ овладѣнія

¹⁾ Страбонъ, XI, 12, 14 и 13, 6; XV, 2, 8; XVI, 1, 1 и 17.

²⁾ Странно, какъ лингвистъ Томашекъ не обратилъ вниманія на нарицательный характеръ имени *Паретакена*, и вслѣдствіе того, увлекаясь единственно созвучіемъ, вздумалъ приурочивать Паретакеи Арріанову къ округу *Парайтанъ* въ Бадахшанѣ, вслѣдствіе чего заставляетъ и Александра дѣйствовать въ этой странѣ (*Sogdiana*, 52), куда, по всей вѣроятности, онъ и не заглядывалъ.

¹⁾ Арріанъ, IV, 22, 1—2; Кв. Курцій, VIII, 5, 17.

²⁾ Такъ можно думать, имѣя въ виду, что надо же было овладѣть и Бадахшаномъ; кромѣ того приводитъ къ этому предположенію и сходство звуковъ: *Вивасене* въ рукописяхъ Курція могло произойти легко изъ *Видасене*. Дройзентъ и Маннъ также принимаютъ Бубакену за Бадахшанъ.

„Хоріеновою петрою“, то изъ сѣверныхъ частей Хисарскаго края, гдѣ, по предположенію нашему, находилась эта петра, съ верховьевъ Кафирнигана и Сурхана, обратно на юго-западъ двигался онъ къ переправѣ на Аму у нынѣшняго Патта-Кисар'а, черезъ нынѣшній Серн-джуй, Дигинау и по теченію Сурхана до Термеда. Это кратчайшій путь, какимъ только могъ онъ пройти спѣша въ Бактры для приготовленій къ походу въ Индію, и, слѣдуя этимъ путемъ по западной части Хисарскаго края, довершалъ онъ покореніе этого края, начатое по линіи отъ Термеда на Кулабъ черезъ Кобадіанъ (южная часть края), и продолженное затѣмъ вверхъ отъ Кулаба до Серипула (восточная часть края), и отъ Серипула до Хисара (сѣверная часть края). Этимъ движеніемъ и закончились походы македонскаго завоевателя въ предѣлахъ Западнаго Туркестана, куда уже не возвращался онъ болѣе, отправившись изъ Бактръ, въ томъ же 327 году, черезъ Гиндукушъ, въ Кабулистанъ.

Изъ представленнаго разсмотрѣнія дѣйствій Александра Великаго, въ теченіе 329—327 годовъ, по завоеванію и приведенію въ покорность странъ на сѣверъ отъ Таврскаго Хребта (въ Страбовомъ смыслѣ), оказывается, что оба историка, доставляющіе намъ матеріалъ для этого, весьма дурно воспользовались своими источниками, вслѣдствіе чего, на основаніи ихъ извѣстій, нѣтъ возможности составить картину военной дѣятельности македонскаго героя за означенный періодъ, хотя сколько нибудь вѣрною въ частностяхъ: получается только общій абрисъ съ темными на каждомъ шагѣ пятнами.

Идетъ Александръ завоевывать обширное пространство съ многочисленнымъ населеніемъ и стародавнею цивилизаціею, до тѣхъ поръ Грекамъ совершенно неизвѣстными, и — никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о предстоящемъ театрѣ дѣйствій, ни географическихъ, ни этнографическихъ, не говоря уже о статистическихъ или историческихъ. А затѣмъ то же игнорированіе мѣстности, населенія и политическихъ обстоятельствъ страны въ продолженіе всего повѣствованія, за исключеніемъ кое-какихъ извѣстій о теченіи Политемета (Зерэфшанъ). Спускается македонскій герой со снѣжныхъ вершинъ Кавказа (Гиндукуша) въ прибрежныя равнины Окса (Аму-Дары), и — никакихъ подробностей о пути его до самыхъ Бактръ (Балха). Переправляется онъ черезъ Оксъ, идетъ на Мараканду, и — мы остаемся въ полнѣйшемъ

невѣдѣніи на счетъ маршрута его до этого пункта. Приходитъ онъ къ Яксарту (Сыръ-Дары) и — никакихъ извѣстій о томъ, какъ занимаетъ онъ Ушрусану, а затѣмъ когда онъ возстаетъ — самыя тощія подробности о возставшихъ городахъ, не дающія возможности опредѣлить съ точностію ихъ положеніе. Основывается Александрія, и — полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо указаній о мѣстности, гдѣ возникла она. Укрощая возстаніе въ долиніи Политимета, доходитъ Александръ до самаго низовья этой рѣки, и — ни малѣйшихъ подробностей о владѣніяхъ и городахъ по берегамъ ея, о томъ, какъ забиралъ онъ ихъ, что при этомъ происходило. Далѣе: не знаемъ мы толкомъ, гдѣ зимовалъ онъ, въ Хоразміи, Маргіанѣ или Бактріанѣ; самъ ли онъ или военачальники его усмиряли возстаніе въ этой-последней, какими обстоятельствами сопровождалось это усмиреніе, и какъ далеко на востокъ простиралось подчинявшееся Македонцамъ бактрійское населеніе. Во второмъ году похода въ Заоксусчину, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ частяхъ Согдіаны дѣйствовали противъ возставшихъ здѣсь туземцевъ, какъ самъ Александръ, такъ и его военачальники, гдѣ именно возставшіе покорались безъ сопротивленія, гдѣ отстаивали свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ; какіе города, взамѣнъ разрушенныхъ, основалъ Эфестіонъ; въ какомъ направленіи отъ Мараканды находились Базайра (или Басиста) и Ксениппа; гдѣ именно высилась чудная петра Аримазова; гдѣ именно зимовалъ Александръ въ Наутакахъ; осенью 328 или раннею весною 327 года взята была „петра Сисимитрова“. О третьемъ походѣ Александра въ Заоксусчинѣ не имѣемъ ничего кромѣ самыхъ сбивчивыхъ извѣстій, начиная съ осады этой самой петры и ея загадочнаго мѣстопохожденія. Если Александръ дѣйствительно предпринималъ поискъ въ землю Сакковъ, то-есть на Алайскую-Высь (чему намъ не очень вѣрится), то ни путь его туда, ни обратное движеніе, равно какъ и мѣстопохожденіе петры Хоріеновой, не освѣщаются никакими указаніями, по которымъ бы можно узнать, гдѣ онъ шелъ и куда не ходилъ.

Между-тѣмъ, какъ указанные, такъ и другіе пробѣлы въ исторіи туркестанскихъ походовъ Александра могли бы, при болѣемъ вниманіи къ дѣлу со стороны Курція и Арріана, быть, если не всѣ, то значительною частію, пополнены. Заключаемъ это изъ нѣсколькихъ спорадическихъ замѣтокъ у Страбона, и оглавленія потерянныхъ частей XVII-й книги Діодоровой „Библіотеки“. Видно, что въ рукахъ того и другаго находились источники, которыми не захотѣли воспользоваться ни риторъ-римлянинъ, ни воинъ-администраторъ грекъ.

Такъ упоминается у Діодора объ усмиреніи Александромъ возставшихъ Бактрійцевъ послѣ такого же усмиренія Согдійцевъ въ 329 году, и о третьемъ возстаніи Согдійцевъ послѣ основанія городовъ Эфестіономъ ¹⁾—обстоятельствахъ пропущенныхъ Арріаномъ и, отчасти, Курціемъ. Такъ у Страбона (XI, 11, 4) встрѣчаемъ извѣстіе о городѣ Каріатѣ въ Бактріанѣ, гдѣ заключенъ былъ подѣ стражу Каллисѣенъ, городѣ, разрушенномъ Александромъ, и т. д.

Не смотря, однакоже, на всѣ недостатки свои, картина военныхъ дѣйствій Александра въ Западномъ Туркестанѣ изумляетъ, поражаетъ общимъ своимъ эффектомъ. Горсть Грековъ — иначе нельзя назвать 20—30 тысячъ войска Александра — предводительствуемая молодымъ государемъ Македоніи, вторгается въ совершенно неизвѣстную ей страну съ 20—30-тимилліоннымъ населеніемъ, о которомъ не имѣетъ никакого понятія, или, вѣрнѣе сказать, составляетъ себѣ самыя ошибочныя представленія, мѣряя его знакомымъ ей персидскимъ аршиномъ. Населеніе это, сначала ошеломленное, и потому кажущееся миролюбивымъ и покорнымъ, является затѣмъ, сверхъ всякаго ожиданія, свободолюбивымъ и воинственнымъ. На память вѣкамъ о пребываніи своемъ на берегахъ далекаго Яксарта, куда изъ великихъ завоевателей міра только одинъ Киръ доходилъ, строятъ тамъ македонскій государь городъ своего имени, а кругомъ его и кучки его Грековъ, тысячами верстъ отдѣленныхъ отъ родины и всякой помощи, возстаютъ почти все, что только можетъ носить оружіе. Погибнуть должны неважные гости, нѣтъ имъ никакого спасенія. Спасеніе является однакоже — въ неустрашимомъ духѣ и воинскихъ способностяхъ юнаго предводителя Грековъ и Македонцевъ. Онъ видитъ, что возстаніе не организовано, возставшіе не имѣютъ связи между собою, не имѣютъ общаго плана дѣйствій, и —кидается съ страшною энергіею на ближайшихъ, болѣе слабыхъ изъ возмущившихся, а затѣмъ на сильнѣйшую изъ ихъ твердынь и опаснѣйшаго изъ предводителей возстанія, и, благодаря дисциплинѣ своего войска, благодаря военнымъ маневрамъ Грековъ, съ быстротою урагана разитъ и разрушаетъ все на своемъ пути, потоками крови виновныхъ и невинныхъ заливая развалины сожигаемыхъ селъ и городовъ. Нѣтъ пощады никому и ничему, что подвергается подѣ руку. Безчеловѣчнымъ свирѣпствомъ надѣ мѣстнымъ населеніемъ расчитываетъ завоеватель навести на него ужасъ,

убить любовь его къ независимости, попытки его къ борьбѣ съ чужеземцами. И, обращенныя въ кладбище, Ушрусана и долина Политимета замираютъ подѣ тяжестью нанесенныхъ имъ ударовъ. Утомленный самъ, завоеватель уходитъ со сцены совершенныхъ имъ неистовствъ отдохнуть и подерѣзиться приливомъ свѣжихъ силъ изъ далекой родины. Они являются, ожидаемые воины; теперь онъ въ безопасности и замышляетъ уже о новыхъ кровавыхъ подвигахъ, въ новыхъ, незнакомыхъ еще съ грознымъ именемъ его странахъ, какъ вдругъ приходитъ извѣстіе за извѣстіемъ, что страшное напряженіе силъ, потраченныхъ на укрощеніе возставшихъ Согдійцевъ, что яростное опустошеніе ихъ страны, что рѣки ихъ крови, имъ пролитой — не послужили ни къ чему: Согдіана, вся изъ конца въ конецъ, опять подняла знамя независимости, опять готовы тамъ биться съ пришельцами за свободу родины всѣ, кто остался еще въ живыхъ. „Безумцы, они надѣются утомить меня непокорствомъ — напрасно“, рѣшаетъ завоеватель, и тушитъ вторичный пожаръ возстанія новымъ моремъ крови, на этотъ разъ уже съ полнымъ, повидимому, успѣхомъ; онъ принимается уже за разчистку пожарища сообразно съ своими видами, за мирное упроченіе своего владычества надѣ погорѣльцами: отдастъ осиротѣвшихъ женъ ихъ и дѣтей въ рабство устарѣвшимъ и захлѣбшимъ солдатамъ своимъ! Пожарище оказывается, однако, не вполне потушимымъ; опять изъ-подѣ пепла то тамъ, то сямъ вспыхиваютъ огоньки непокорства и сопротивленія. Въ третій разъ приходится тушить пожаръ возстанія. Наконецъ, оно окончательно подавлено, и торжествующій Македонецъ празднуетъ побѣду свою надѣ истерзаннымъ народомъ — точно мало было ему человѣческой крови — кровью тысячъ звѣрей, тутъ же и пожираемыхъ его солдатами въ исполненной ночной оргіи. Но остаются обширныя окраины подавленной страны, куда еще не проникало македонское оружіе, куда, въ неприступныя горныя твердыни, укрылось все, что оставалось уцѣлѣвшимъ отъ казней, что ненавидитъ завоевателя, и, съ ожидаемымъ уходомъ его въ Индію, готово ринуться изъ своихъ убѣжищъ, чтобы уничтожить всѣ плоды двухлѣтнихъ его усилій. Трудна задача обуздать этихъ закоренѣлыхъ враговъ. Но Фортуна бодрствуетъ надѣ своимъ македонскимъ избранникомъ, и снабжаетъ его средствомъ непримиримыхъ враговъ обратить въ надежныхъ союзниковъ. При первомъ же приступѣ къ расправѣ съ непокорною знатью горныхъ трущобъ, встрѣчается ему красавица-плѣнница, дочь одного изъ туземныхъ князьковъ;

¹⁾ Въ означеніи содержанія утраченныхъ 24-й и 25-й главъ XVII-й книги.

герой влюбляется и — къ изумленію всѣхъ, и своихъ и чужихъ — вступаетъ съ нею въ законный бракъ. Такая невообразимая честь, выпавшая на долю туземной княжны, когда гордый побѣдитель не удостоился взять за себя ни одной изъ красивыхъ дочерей бывшаго царя царей, Дарія, приводитъ въ восторгъ мѣстную аристократію, примираетъ ее съ завоевателемъ, обращаетъ въ покорныхъ его слугъ. Отношенія измѣняются какъ-бы чудомъ. Дальнѣйшее завоевательное движеніе Александра обращается въ прогулку по мирной и преданной странѣ. Препяды ставитъ ему единственно природа, подвергая героя и его побѣдоносную рать страшнымъ испытаніямъ голодомъ и холодомъ. Онъ погибъ бы отъ лишеній, но его спасаютъ на этотъ разъ — не собственная отвага и военный гений, а — добрыя услуги вчерашнихъ еще враговъ его, туземныхъ владѣльцевъ, волшебницею Роксаню обращенныхъ въ гостепріимныхъ хозяевъ. Наконецъ завоеватель похищаетъ опустошенную и окровавленную имъ страну съ полною увѣренностію, что совершилъ великія дѣла и неизгладимыми чертами записалъ славное имя свое въ памяти замученныхъ имъ народовъ.

Да, пребываніе Александра въ Западномъ Туркестанѣ представляется интереснѣйшею драмою, полною неожиданныхъ перипетій. Но кому принесла пользу эта драма, разыгранная 2210 лѣтъ тому? Грекамъ знакомство ихъ со странами и народами къ сѣверу отъ Тавра не дало ровно ничего, ни въ какомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ нѣкотораго расширенія ихъ географическихъ свѣдѣній. Какъ были для нихъ эти страны закрытою до Александра книгою, такъ мертвою буквою остались и послѣ Александра. Для туземцевъ, точно также, греческая цивилизація не принесла съ собою ничего прочнаго и жизненнаго: черезъ три вѣка послѣ македонскаго разгрома не оставалось уже въ странѣ никакихъ слѣдовъ греческаго владычества. Всѣ великіе планы Александра, или, вѣрнѣе сказать, великіе планы, приписываемые ему новыми историками въ духѣ XVIII и XIX столѣтій, не осуществились по отношенію къ странамъ въ бассейнахъ Сыра и Аму хотя бы въ самой слабой мѣрѣ: никакого сліянія западнаго міра съ восточнымъ, никакого обмѣна идей и интересовъ не произошло. Востокъ среднеазиатскій остался какимъ и прежде былъ, среднеазиатскимъ востокомъ, безъ малѣйшей примѣси чего-либо греческаго. Изъ-за чего-же было

Огородъ городить
Капусту садить?

Изъ-за того развѣ, чтобы, благодаря Роксанѣ, микроскопическіе владѣльцы въ предгоріяхъ Памира, которыхъ даже ничтожный бухарскій эмиръ можетъ безнаказанно отваять нагайками, — чтобы полудикіе князьки эти считали себя, до нашихъ дней, родственниками и потомками „пророка Божія“ Александра-Двурогаго — награда, достойная кровавыхъ подвиговъ человѣка, не знавшаго границъ своему тщеславному самолюбію.

